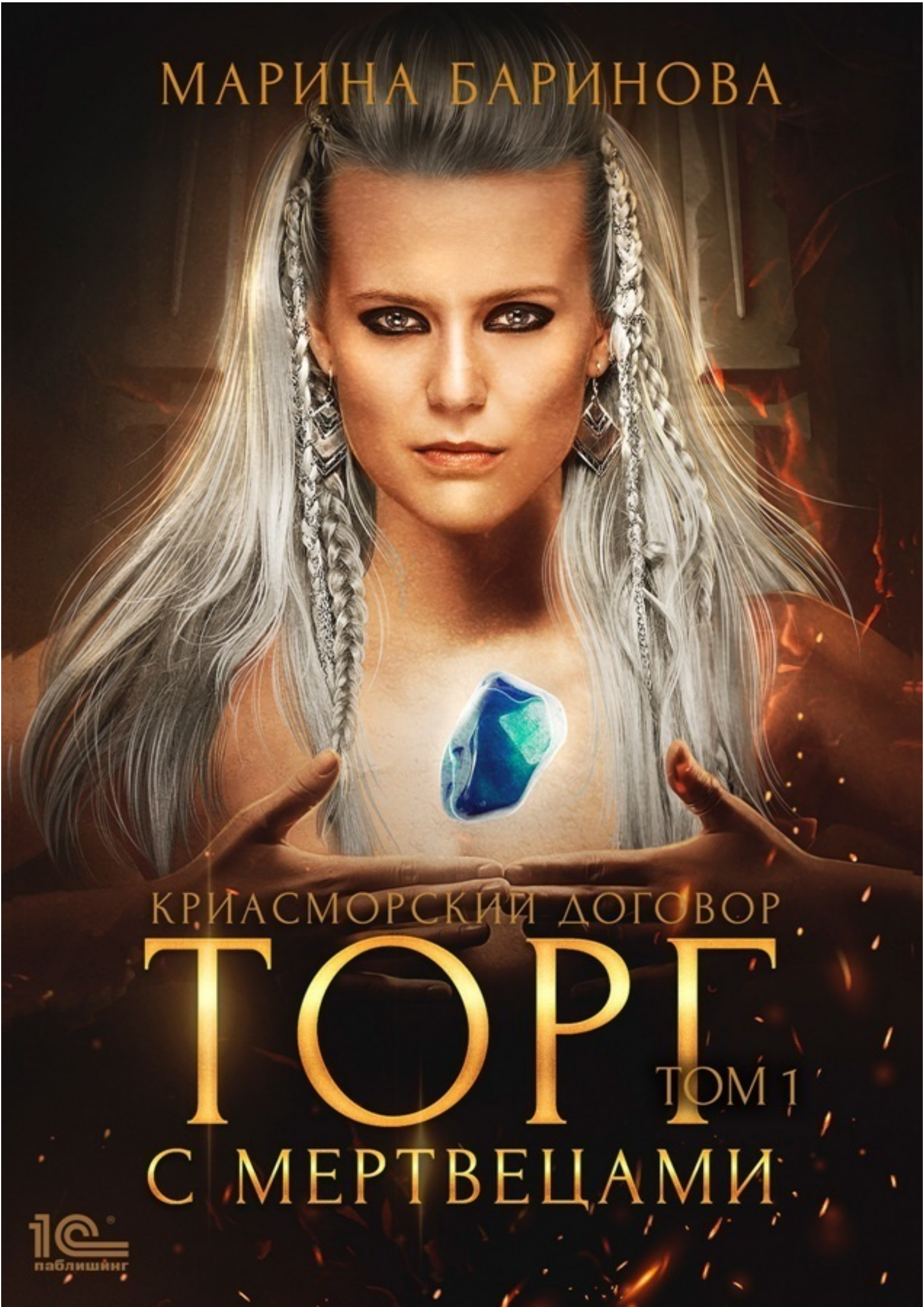

МАРИНА БАРИНОВА

КРИАСМОРСКИЙ ДОГОВОР

ТОРГ

ТОМ 1

С МЕРТВЕЦАМИ

Криасморский договор

Марина Баринова

**Криасморский договор.
Торг с мертвецами. Том 1**

«1С-Пабблишинг»

2019

Баринава М.

Криасморский договор. Торг с мертвецами. Том 1 /
М. Баринава — «1С-Паблицинг», 2019 — (Криасморский
договор)

Власть часто вынуждает тех, кто обличён ею, совершать неблагоприятные поступки. Власть меняет человека или заставляет его проявить своё истинное лицо. В империи, где за власть борются духовенство и маги, умирает бездетный правитель, а его вдова странным образом исчезает. Это вызывает массу интриг вокруг возможных претендентов на престол. Артанна де Толл – одна из козырных карт дома Шано, но далеко не единственная. Её просят подготовить племянника к правлению, а пока согласно плану она сама должна занять его место. Однако к ней обращается Медяк. Его дочь, в жилах которой также течёт кровь правителя, оказалась магией, но полученный ею дар приживается очень тяжело и приводит к чудовищной боли. Сможет ли Артанна помочь и при этом выжить сама в хитросплетении козней, сопровождающих борьбу за власть?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
1.1 Турфало	7
1.2 Сифарес	16
1.3 Турфало	25
1.4 Сифарес	30
Глава 2	36
2.1 Турфало	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Баринава

Криасморский договор. Торг с мертвецами. Том 1

Пролог

*Человек, думающий, что он свободен, подобен брошенному камню,
который думает, что он летит.*

Бенедикт Спиноза

– Краденого не берем! – бритоголовый капитан торгового дромона отмахнулся от перстня, что робко протянул ему Гафур. – Совсем ума лишился, раб? Да мне и разговаривать с тобой нельзя! Если Магистратовы ищейки найдут у меня эту цацку, кормить львов пойдем вместе.

Гафур не отступал. Слишком далеко он зашел, чтобы сдаться сейчас, в порту Тартао, когда свобода была так близка. Он добирался сюда на протяжении двух долгих недель, полных голода, усталости и страха. Смерть шла за Гафуром по пятам, дышала в затылок, мерзко кашляла и пахла гноем. Он знал, что если не уплывет с этого проклятого острова, старуха с холодными пальцами непременно его настигнет. Как и все население Тара.

– Он не краденый. Это плата за десять лет работы.

Капитан глумливо улыбнулся.

– На плантации-то? Совсем меня за идиота держишь? Я знаю, что на юге случился бунт. И, судя по твоей отметине, – он больно ткнул мозолистым пальцем в татуированную щеку Гафура, – ты как раз оттуда, заморыш. Беглец. Преступник. Рабский бунт хуже чумы.

– Так на юге и бушует чума! – воскликнул раб. – Потому и восстали, что хворь выкашивает целые деревни! Ты видел, как умирают чумные? Видел, как лопаются бубоны? Нас бросили там! Даже охранники бежали, а людей оставили ждать смерти. Пожалуйста! – взмолился он, втиснув драгоценный перстень в руку капитана. – Прошу, возьми меня на корабль! Я честно трудился всю жизнь, но не хочу умирать в колодках. Умирать вот так, в корчах от болезни... Буду делать, что скажешь – хоть нужник выгребать, лишь бы убраться отсюда.

Капитан запрокинул бритую голову и громко расхохотался.

– Нужник? Да ты, малец, видать, никогда корабля не видел! Это ж не вила какая – откуда там нужнику взяться? – он резко посерьезнел и с силой потянул Гафура в сторону, увидев солдат эннийского Магистрата. Отряды вооруженных воинов прочесывали каждую улицу Тартао. – Шутки в сторону, малец. Кому ты принадлежишь?

– Семье Ишкери.

Капитан тихо присвистнул и задумчиво почесал смуглую шею.

– Скверно. Ишкери славятся жестокостью. И богатством, – он покрутил в руках перстень: прозрачный камень величиной с мужской ноготь сверкнул на беспощадном полуденном солнце. – Ладно, нравишься ты мне. Люблю целеустремленных ребят, а ты напомнил мне одного хорошего человека. Да и плата достойная... Снимай рубаху.

– Что? – опешил Гафур.

– Раздевайся, говорю. Надо убедиться, что ты не хворый, иначе нам всем крышка. В море бежать некуда, и корабль станет нашей могилой.

Раб покорно кивнул и, спрятавшись за нагромождением бочек, принялся стягивать прохудившуюся в нескольких местах тунику.

– Я осматриваю себя каждое утро! – зло ворчал он. – И за это время не чувствовал слабости. Потому и решил бежать с острова, пока не заболел.

Капитан невозмутимо пожал плечами.

– Пока сам не увижу, на судно не пушу. Повернись-ка спиной и подними руки. – Гафур снова подчинился. – И штаны спускай. Вдруг у тебя в паху бубон засел?

– Прямо здесь? На причале?

С корабля донесся смех, а бритоголовый изверг, казалось, искренне удивился.

– Разве ты не привык ходить голышом? Мне казалось, невольников приучают с детства.

– Я надеялся, что это время закончилось. – Краем глаза Гафур заметил, что за ним исподтишка наблюдала вся команда. А капитан, будь он неладен, несколько раз проверил каждую пядь кожи своего нового знакомого. И лишь затем отстал.

– Ну? – раб начал терять терпение. – Мы договорились?

Капитан почесал блестящую макушку и жестом показал на свой дромон:

– Разрешаю, – он отступил в сторону, пропуская Гафура вперед. – Тебе повезло, малец. Выкидывай, а лучше сожги свои тряпки и поднимайся. Мы скоро выходим: «Арзимат» не терпится попрыгать на волнах.

Беглец опешил.

– Ты назвал корабль именем проклятой богини?

– Она не наша богиня, а до имперских суеверий мне дела нет. Я верую в других богов.

И все же Гафура предрнуло.

– Куда идет корабль?

– Такие вопросы, знаешь ли, надо задавать раньше. В Таргос.

– Это на севере?

– Ха, да весь чертов мир находится севернее Тара! – хохотнул капитан. – Мы идем в Гайенху, малец. Там правит красивая женщина, и нет рабов. Оттуда рукой подать до империи – солнечный Рикенаар, белокаменный Миссолен... Столичные модницы, небось, заждались наших шелков.

– Если там нет Магистрата и чумы, мне все подходит.

– Угу, – задумчиво кивнул капитан, глядя на удалявшихся солдат. – Как тебя звать?

– Гафур.

– Шевелись, Гафур. Но учти, что прохладиться я тебе не дам. Ставлю твой перстень, что уже этим вечером попросишься обратно на сушу. Да только пути назад не будет.

Гафур не спорил: на кону была его судьба. Он молча кивнул и медленно направился к кораблю, который должен был увезти его прямиком в новую жизнь – жизнь, в которой не было места ни страшным хворям жарких земель, ни надзирателям, стегавшим спины рабов плетями, ни хозяевам, что распоряжались жизнями людей, точно жестокие боги.

И, несомненно, там не должно было остаться места для Магистрата, продавшего его, Гафура, в рабство, за долги отца.

Забравшись на борт, он не сразу поймал равновесие и еще долго привыкал к качке, которую чувствовал впервые. Вскоре внутренности настойчиво попросились наружу, и беглец понял, о чем говорил его спаситель – морская болезнь страстно накинулась на самонадеянного новичка. И лишь к вечеру, когда ветер немного утих, уже бывший раб смог перевести дух.

Через три дня, когда «Арзимат» обошла все рифы Тирлазанских островов и приблизилась к вожделенному Таргосийскому заливу, Гафур обнаружил под мышкой первый бубон.

Глава 1

1.1 Турфало

Альдор ненавидел сюрпризы – особенно те, что приходилось принимать с улыбкой и благодарностью. Не любил он и поездок на чужбину. Но особую, мало с чем сравнимую, неприязнь Альдор питал к южным баням. Сегодня ему не повезло втрое.

Плотное розовое марево тягуче растеклось над крышами гацонской столицы, куда эрцканцлер Хайлигганда Альдор ден Граувер отправился с дипломатической миссией. Влажный воздух подрагивал, искажал формы зданий и бесцеремонно забирался под высокие своды окутанной горячим паром залы. Тяжелые ароматы драгоценных масел давили на виски и вызывали у хайлиггандца лишь дурноту.

– Кому пришло в голову строить бани на высоте птичьего полета? – ворча, Альдор принялся аккуратно спускаться в бассейн с ароматной водой. – И кто додумался сделать такие скользкие ступени?

– Эннийцы, ваша милость, – отозвалась банщица. Несомненно, прекраснейшая из всех гацонских банщиц – другую король Энриге почетному гостю не предложил бы. – Большая часть дворца строилась еще во времена Древней империи. Тогда Гацона была всего лишь отдаленной провинцией... Желаете, чтобы я добавила в воду цветочного масла?

– Благодарю, не стоит.

В руке девушки очутилась целая пригоршня нежных белых цветов, но Альдор предостерег ее:

– Мне по нраву чистая теплая вода. Хайлиггандцы привыкли довольствоваться малым, – он шумно втянул воздух и поморщился, погрузив худосочное тело в немилосердно горячие волны. Еще немного – и можно свариться заживо. – Дальше я справлюсь сам. Передайте его величеству мои благодарности за обжигающе теплый прием.

Банщица усмехнулась, оценив иронию, однако уходить не собиралась. Вместо этого она подошла к высеченному из белоснежного мрамора столу и налила воды в кубок.

– Вы не похожи ни на одного из встреченных мной хайлиггандцев, – девушка опустилась на колени у самого борта бассейна и протянула кубок Альдору. – Выпейте, станет легче.

Эрцканцлер насмешливо изогнул бровь.

– А ты не похожа на робкую прислужницу, которая боится поднять глаза на господина. Как и на моего дегустатора.

Банщица пожала плечами.

– Выходит, мы оба особенные. И, вероятно, потому нас так ценят наши правители, – улыбнулась она. – Мое имя Гемма, и я здесь для того, чтобы удовлетворить все ваши желания.

– Благодарю.

– Любые желания.

– Тогда сделай несколько глотков из чаши.

– И только?

– Моя фантазия еще может разыграться. Но сначала попробуй то, что мне налила.

На лицо Геммы на миг легла тень возмущения, но все же девушка уверенно поднесла кубок к губам и сделала несколько щедрых глотков. Вода пролилась, стекла по подбородку и прочертила блестящую дорожку на тонкой шее.

– Яда нет, – вытерев рот, констатировала прислужница. – У меня получилось вам угодить?

– Вполне.

Кубок едва не выскользнул из рук Альдора, когда он принял его из рук банщицы. Слишком уж засмотрелся на ее стройное тело. Пропитавшаяся паром туника облепила каждый соблазнительный изгиб, и отвести взгляд от этого зрелища становилось все труднее. Да и лицом девушка была чудо как хороша: крупные и яркие южные черты завораживали правильностью – высокие скулы словно высечены из мрамора. Миндалевидные карие глаза глядели прямо, без страха, а на пухлых губах и покрасневшихся щеках блестели капельки воды. Несомненно, она знала, какое впечатление производила. Знала и пользовалась этим.

Эту красотку совершенно точно прислали следить за высоким гостем. Вопрос – кто? Сам король Энриге? Кронпринц Умбердо? Или вовсе не гацонцы?

Напившись, Альдор с глухим стуком поставил сосуд на мраморный бортик бассейна. Задубевшие после долгой дороги мышцы наконец-то расслабились. Усталость навалилась тяжелой плитой, его клонило в сон.

– Каково быть правой рукой самого короля? – проворковала Гемма над самым ухом эрцканцлера, ловкие девичьи пальцы принялись разминать плечи. – И не абы какого, а самого Грегора Волдхарда...

– А каково тебе улаживать всех, кого прикажут? Не зная усталости, не имея возможности отказаться...

– Иногда это приятно. Вы, например, очень хороший гость. Ведете себя с достоинством, рук не распускаете и не позволяете себе грубостей.

– Но это в любом случае твой долг – делать, что говорят, в интересах тех, кому ты служишь. Даже окажись я похотливым грубияном, тебе бы пришлось со мной любезничать. Я занимаюсь тем же, но не в благоухающих розами термах, а в темных кабинетах и холодных дворцовых залах.

– Выходит, высокая политика ничем не отличается от моего ремесла? – усмехнулась банщица.

– Именно. Разница лишь в наказании за ошибку. Если ты крупно облажаешься, тебя повесят. Или изуродуют лицо так, что клиентов искать ты сможешь лишь среди портовых нищих и умрешь от какой-нибудь хвори через год-другой. Мне же, как аристократу, отсекут голову. Но исход один.

– Исход всегда один, ваша милость.

– Однако не стоит стремиться к нему раньше времени.

– И то верно, – не видя лица Геммы, Альдор все равно понял, что эти слова она проговорила с улыбкой. Мастерница своего дела – старалась поддержать любую беседу, лишь бы получить вожаденное серебро. Некоторым политикам стоило бы поучиться дипломатии у шлюх.

Тем временем Гемма взяла небольшой кусок драгоценного мыла и принялась взбивать сероватую пену. Вышло негусто.

– Вот так, – ворковала она, медленно скользя мочалкой по плечам Альдора. – Наклоните голову вперед, ваша милость.

Он подчинился. Сильные пальцы банщицы поначалу задумчиво скользили и блуждали по его коже, но чуть позже с удивительной точностью отыскивали и разминали самые болезненные места. Когда следовало надавить щедрее, Гемма почти наваливалась на его плечи всем своим небольшим весом, и эрцканцлер улавливал дивный цветочный аромат ее волос.

– Вам нравится?

– Боже, да! – следовало признать, что ему не хватало такого расслабляющего покоя. Гацонские удовольствия, и правда, размягчали. – Еще, пожалуйста. Вот здесь чуть сильнее.

– Как вам угодно.

В паху сладко заныло. Видит бог, он делил ложе с женщинами слишком давно, но никогда – с теми, кого по-настоящему хотел. Гемма нравилась ему, но потакать слабостям он не мог. Не сейчас, когда от его визита в Турфало зависело будущее Хайлигланда.

И, кроме того, в Ульцфельде его ждала нелюбимая беременная жена.

– А теперь все остальное, – проговорила банщица и, отложив мыло, принялась развязывать тесемки своего одеяния.

– Это еще зачем? – опешил Альдор.

– Не хочу, чтобы промокло. Хотя...

В следующий миг Гемма опустилась на бортик бассейна и ловко прыгнула в воду. Мыльные брызги окатили барона по самую макушку.

– Простите, ваша милость. Я такая неуклюжая, – однако в ее тоне не было ни доли раскаяния.

Альдор фыркнул и откинул прилипшие ко лбу волосы. В глазах щипало. Гемма же, не чувствуя ни капли стыда, двинулась к нему, улыбаясь шально и призывно, наконец-то почувствовав его смущение и осознав свою власть. Теперь банщица играла по хорошо знакомым ей правилам.

Альдор проклинал судьбу. Он верностью заслужил титул, вырвав его из лап куда более влиятельных хайлигландских мужей. Два года правил королевством, покуда настоящий король играл в религиозного фанатика. Денно и ночью защищал своего владыку и построенный им мир от нападков врагов, коих набралось с полматерика. Он, эрцканцлер мятежного Хайлигланда, интриговал, убивал и шпионил во имя родной страны, но сейчас испугался напора красивой шлюхи. Смутился, покраснел до мочек ушей и не знал, куда деть руки, от столь пристального внимания к своей персоне. Сказывались монастырская юность и долгие обеты воздержания. Теперь ему перевалило за тридцать, а должным образом обращаться с дамами он так и не научился. Был слишком занят, поудобнее усаживая Грегора Волдхарда на трон.

– Ты не обязана этого делать, – прохрипел барон, когда девушка почти прижалась к нему. Чертовы цветочные духи, раскрывшие аромат на распаренной коже во всю силу, сводили с ума.

– По моим наблюдениям, самостоятельно намылить спину весьма сложно, – как ни в чем не бывало, сказала Гемма и потянулась за мочалкой.

Альдор не почувствовал – скорее, услышал удар. Серебряный кубок с глухим звоном треснул по черепу. В глазах потемнело, пальцы сорвались с бортика, и он, поскользнувшись на мраморе бассейна, с головой ушел под воду.

Он беспомощно барахтал руками, ноги тщетно искали опору – стоило нащупать пол, как ступни тут же соскальзывали; попытался оттолкнуться и выплыть, но руки Геммы, только что такие ласковые и нежные, немилосердно сдавливали голову и топили, топили, погружали его еще ниже. Альдор открыл глаза и тут же пожалел – всюду мыльная муть, глаза жгло и резало. Вокруг растекалось красное, но боли он не чувствовал, лишь бешено пульсировала кровь в месте удара. В груди горело, воздух заканчивался, а тело слабело. Отчего-то пришла дурацкая эпитафия: эрцканцлер Хайлигланда утоплен в гацонской бане шлюхой. Смерть, достойная его жизни и деяний.

Гемма давила так сильно, словно была не хрупкой женщиной, но крепким молотобойцем, и хотела не утопить, а раздавить его голову, чтобы та лопнула.

Он нащупал рукой гладкую стену бассейна и, оттолкнувшись, пнул в сторону, где могла стоять шлюха. Давление на голову ослабло, ему померещился то ли вскрик, то ли ругательство, но все заглушал стук собственного сердца в ушах. Он пнул снова, из последних сил, одна рука убийцы сорвалась с его головы, и этого хватило, чтобы освободиться.

Наощупь он нашел бортик, со всей силы вцепился в острую грань и выплыл. Горло и грудь чуть не разорвало от потока воздуха, Альдор жадно глотал спасительный пар и никак не мог надышаться. Он вытер лицо, кое-как разлепил глаза и увидел, что Гемма уже нашарила кубок и надвигалась на него.

– С-стража! – воззвал он, но получилось слишком тихо. – Стража!

– Впервые в жизни промахнулась, представляете? – спокойно молвила женщина, взвесив оружие в руках. – Вас не услышат, стража давно мертва.

– Кто тебя послал?

– У Хайлигланда полно врагов. И все они понимают, что власть короля держится на вас. Лишите Волдхарда его слишком деятельного эрцканцлера, и на троне он просидит недолго.

Он дотронулся до головы и обмяк, надеясь сбить женщину с толку.

– Кто?

– Какая разница? Исход всегда один, ваша милость.

– Представить не можешь, как же ты не вовремя, дорогая, – прохрипел Альдор.

И, дав ей приблизиться на достаточное расстояние, ударил. Гемма поскользнулась и едва не запуталась в так и не снятой тунике. Альдор схватил руку, в которой она сжимала ножку кубка, и со всей силы ударил ею об острый край бортика. Женщина по-звериному взвыла, выронила ношу и свободной рукой вцепилась ему в лицо. Бровь прожгло болью, хлынула кровь.

– Кто тебя послал? – шипел Альдор, стискивая ее шею. Вены вздулись, красивое лицо Геммы начало багроветь.

– Иди к черту!

Она резко отдернула руку, вытащила из прически длинную шпильку и замахнулась. Альдор увернулся, но отпустил руки. Гемма на миг потеряла равновесие и явно больно ударилась спиной о стену бассейна. И снова замахнулась – теперь женщина могла работать только одной рукой, вторая безвольно повисла. Альдор перехватил ее запястье и вывернул. Гемма брыкалась, пиналась, волосы метались в воде, как стая бешеных миног.

А затем она оттолкнулась и вонзила шпильку прямо ему в плечо.

– Черт!

Боли он уже не чувствовал, только ярость. Альдор зарычал, кое-как заскользил по дну бассейна и вцепился в волосы мучительницы. Удобные длинные волосы, которыми красotka Гемма, должно быть, так гордилась.

Они-то ее и погубили.

Намотав мокрую шевелюру на кулак, Альдор со всей силы впечатал голову Геммы в мрамор. Она закричала – в который уже раз, ее крики должны были поднять на уши весь этаж, но стража так и не появилась. Он ударил снова, и бортик окрасился красным. Гемма тянула к нему руки, царапалась и шипела, но он, не чувствуя уже ничего, продолжал наносить удары до тех пор, пока неудачливая убийца не затихла, а вода в бассейне не стала розовой.

Альдор не сразу понял, что она была мертва. Освободив руку от ее волос, он поднял со дна чашу и кое-как вылез из треклятого бассейна с уже остывшей водой. Голую кожу щипал сквозняк. Эрцканцлер подошел к столику и дрожащими руками налил себе воды. Рана на голове наконец-то разболелась, его тошнило, ноги ослабели. По шее и спине стекала струйка горячей крови – кубок оказался мощным оружием.

Альдор сделал нетвердый шаг и поскользнулся на луже собственной крови, смешанной с водой. Он упал, больно ударившись лопатками, но уже не нашел сил встать. Кубок звякнул рядом и покатился к бассейну. Альдор повернул голову и уставился на тело Геммы – оно плавало на середине лицом вниз, словно красotka старательно разглядывала дно.

– Исход всегда один, дорогая, – прошептал Альдор. – Всегда один.

* * *

Весть о покушении на эрцканцлера мгновенно разнеслась по дворцу. Стража, дворяне и челядь без устали галдели, сновали туда-сюда, совали нос не в свое дело. Король Энриге приказал увеличить количество стражи втрое, но его гость считал все эти усилия тщетными.

– Ваше величество, я не впервые был свидетелем покушения, хотя роль жертвы мне в новинку. Заговорщики обязательно затаятся, понимая, что шанс повторить попытку представится нескоро. Если, конечно, в этом останется надобность.

Альдора привели в святая святых королевского дворца Турфало – роскошный кабинет Энриге Гацонского. Здесь, в окружении драгоценного цветного стекла, золота и мрамора, принимались решения, с которыми считались даже империя и Энния. Над эрцканцлером суетились монахи-целители: промывали раны, перевязывали, цокали языками и вполголоса читали молитвы. Альдор уловил свое отражение в натертом до зеркального блеска щите, что висел на стене, и поморщился: курчавые каштановые волосы пришлось коротко остричь, а на месте раны – и вовсе выбрить; лицо украшали кровоподтеки, да так, что было трудно угадать в нем изящные черты того самого Альдора. Зато теперь он хоть сколько-нибудь походил на хайлигландца. Только не ростом.

– Не найдется слов, чтобы описать стыд, смущение и злость, которые обуревают меня в связи со случившимся, – в свойственной гацонцам высокопарной манере заявил король. Он нервно кружил по кабинету, то и дело бросая обеспокоенные взгляды на гостя. Король даже не успел переодеться, когда тревожные вести нарушили его послеобеденный отдых – так и расхаживал в халате да колпаке, безуспешно сясь пригладить взлохмаченную бородку. – Клянусь святым именем Хранителя, что понятия не имел о заговоре. И не желал его.

– Я верю вашему величеству, – слабо кивнул Альдор, и его голову тут же пронзила игла боли. – Удалось разузнать что-нибудь о банщице?

Король кивнул лысоватому мужчине в темной ливрее с пурпурной вышивкой. Должно быть, он служил в королевской канцелярии. Гацонец шагнул вперед и поклонился:

– Женщина по имени Гемма была родом из Рогеры. Три года служила в дворцовых термах, до этого – примерно столько же в самых роскошных банях Турфало. Там она и приглянулась одному из наших вельмож, который поначалу осыпал ее подарками, а затем, когда страсти поулеглись, но привязанность осталась, устроил на службу во дворец.

– Что за вельможа? – спросил король.

Слуга распахнул огромный грессбух и принялся старательно водить пальцем по витиеватым строкам.

– Нашел. Гизе Челано, ваша милость. Увы, он скончался в прошлом году от оспы.

– Челано был тихим человеком, – добавил король. – В дуэлях не участвовал, в скандалах имя не марал. А то, что ему приглянулась хорошенькая дева легкого нрава... Так это не редкость. Удивительно, что всего одна.

Альдор кивнул. На этот раз с особой осторожностью.

– У Челано были связи за пределами Гацоны?

– Мы – люди торговли, – рассуждал король. – Даже аристократы. В нашей крови текут золото и вино. Потому не удивительно, что со временем мы обязательно обрастаем весьма разнообразными связями. Мои люди обязательно уточнят, с кем именно Челано водил дружбу. Впрочем, я не припоминаю, чтобы среди его окружения всплывали громкие имена.

Эрцканцлер дернулся, когда игла проколола кожу на брови: монах-целитель принялся зашивать рану.

– Пожалуйста, потерпите, ваша милость, – попросил церковник. – Все скоро закончится.

– И все же я не могу понять, почему покушение совершили именно сейчас и именно здесь, – размышлял Альдор, боясь пошевелиться.

Энриге наконец-то прекратил мельтешить перед глазами и жестом приказал налить себе вина.

– Полагаю, враг не мог дотянуться до вас в Хайлигланде, – сказал он. – Насколько мне известно, король Грегор весьма жестоко расправляется с пойманными шпионами и убийцами.

– О да. Но две луны назад я путешествовал на юг страны, причем с небольшим сопровождением. Перебить нас не составило бы труда. И все же меня не тронули.

– Не знали?

– Вряд ли. Однако на юг Хайлигланда меня вели внутренние нужды страны, а сейчас я приехал в Турфало, чтобы договориться о дате свадьбы вашего сына и леди Рейнхильды. Союз кронпринца Гацона и сестры короля Хайлигланда – событие, последствия которого будут иметь значение для всего материка. И поскольку покушение совершилось в стенах дворца Турфало, я делаю вывод, что, во-первых, заговорщики пытались очернить вашу репутацию в глазах Хайлигланда, а во-вторых, желали отсрочить наш предполагаемый союз. Убей они меня, королю Грегору пришлось бы принять ответные меры.

– И предполагаемый брак повис бы на волоске, – заключил Энриге.

– Именно. Зная характер Грегора Волдхарда, логично предположить, что помолвку он расторг бы, не вынеся тяжести оскорбления. Итак, кому наименее удобны дружеские отношения Хайлигланда и Гацона?

Король наградил гостя многозначительным взглядом.

– Империи, разумеется. Миссолен не впервые подсылает убийц к негодным политикам.

– Это наиболее очевидный вариант.

– И Миссолен, конечно же, станет все отрицать.

– Если в этом вообще замешан Миссолен, – печально улыбнулся Альдор. – Но своей ересью Хайлигланд насолил не столько империи, сколько Эклузуму. Божьи люди такого не забывают, и они уже неоднократно выражали гнев, подсылая к нам убийц. Впрочем, Гацона тоже навлекла на себя их недовольство, согласившись женить кронпринца на сестре еретика.

– Напомню, что мы не поддерживаем ересь короля Грегора, – сухо ответил Энриге.

Монах, орудовавший иглой и ниткой над бровью Альдора, на миг замер. Поймав вопросительный взгляд эрцканцлера, он спохватился и молча продолжил.

– Великому наставнику Ладарию достаточно, что вы не объявили Священный поход на земли мятежников, – пояснил Альдор. – А ведь именно этого он мог ожидать от блюстителей истинной веры. И вместо того, чтобы присоединиться к финансовой блокаде Хайлигланда, Гацона – едва ли не единственная из цивилизованного мира – не только продолжила торговать с нами, но даже увеличила поставки. Впрочем, от двух голодных зим нас это не спасло.

– Именно поэтому Гацона сохраняет нейтралитет, – Энриге одним глотком допил вино. От Альдора не укрылось, что правитель был бледен и начал стремительно стареть. – Чего вы ждете от нас в таких обстоятельствах, достопочтенный эрцканцлер? Моя дочь замужем за канцлером империи, а сын должен жениться на сестре вашего Волдхарда! Оба моих ребенка станут супругами идейных врагов! Гацона оказалась между молотом и наковальней, и единственный способ сохранить порядок в моей собственной стране – любой ценой поддерживать нейтралитет.

– Разумеется, и все же...

Энриге зло сверкнул глазами, и Альдор умолк.

– Именно невмешательство в конфликт Хайлигланда с Эклузумом и империей было обязательным условием союза наших государств. Гацона не отвечает за решения вашего короля и страдать за него не намерена. Помните, что фундамент нашей с вами дружбы – деньги: мы поставляем вам товары по заниженным ценам, а вы, в свою очередь, снижаете торговые пошлины на две трети.

– Все договоренности в силе, ваше величество, – поспешил заверить гость. – Мы понимаем и уважаем вашу позицию.

Деньги деньгами, но Альдор прекрасно помнил, что кронпринц Умбердо Гацонский желал полного объединения двух государств. Не сейчас, даже не через пять лет, но шанс мог ему представиться. И хайлигландка Рейнхильда Волдхард была нужна ему для этого.

Но пока амбициям Умбердо мешали целых два короля и один очень упрямый эрцканцлер.

Монахи закончили и удалились. Как раз вовремя, потому как дальнейший разговор не должен был касаться никого, кроме Энриге и Альдора.

– Я могу попросить оставить нас наедине?

Правитель кивнул. Через несколько мгновений кабинет опустел. Король налил вина в две стеклянные чаши дивной красоты и протянул одну собеседнику. Барон невольно залюбовался игрой свечного пламени на граненых стенках сосуда.

– Что у вас на уме, Граувер? Не томите.

Альдор набрал в легкие побольше воздуха. Пришло время заниматься привычным делом – договариваться, торговаться и вырывать выгоду зубами, если потребуется. Таков его долг, таково его служение. Таков выбор, о котором он все чаще жалел.

– Я клянусь, что со своей стороны приложу все усилия, дабы наш будущий союз не пошатнулся, – начал эрцканцлер. – Случившееся ужасно, но нам повезло. И все же до моего повелителя дойдут ненужные слухи...

Гацинец уставился на Альдора:

– На что вы намекаете?

– В моих силах умолчать о том, что может навредить союзу и приукрасить то, что ему поможет, ваше величество. И я сделаю это почти бескорыстно.

– Почти? – король насмешливо приподнял бровь.

– Почти. Взамен на обещание обелить вашу репутацию в глазах короля я попрошу об услуге. О, прошу выслушать меня до конца, ведь это ничего не будет вам стоить! – поспешил заверить Альдор. – Сейчас у меня нет поводов молить о помощи, но однажды такой день может настать. И тогда и только тогда, когда отчаяние поглотит меня, я буду рассчитывать на вас. Клянусь, что не стану требовать от вас действий, порочащих ваше или чье-либо доброе имя, – он вытащил из-под сорочки символ веры – серебряный диск на тонкой цепочке. – Клянусь святым дыханием Хранителя.

Энриге Гацинский выслушал гостя молча, но хмурился тем сильнее, чем слаще становились его речи. Явно размышлял, стоило ли соглашаться.

– Странную игру вы ведете, эрцканцлер. Что мешает мне дать вам клятву и позже отказаться от своих слов?

Альдор невозмутимо пожал плечами.

– Совесть вашего величества. Вы достойный муж, человек старой закалки, выросший во времена, когда столпы веры казались нерушимыми, а клятвы исполнялись до последнего вздоха. Но времена изменились. Привычный вам мир трещит по швам, карта материка рассыпается на осколки, всюду вольнодумцы и еретики, предатели и изменники, ищущие, как бы оторвать себе кусок побогаче, пока великие умы грызутся друг с другом за вещи, которые и доказать-то невозможно. И вы, точно одинокий многовековой дуб, выросший посреди поля, пытаетесь устоять под напором этой непредсказуемой стихии, силитесь дать кров и опеку тем, кто нашел приют под раскидистой кроной, – Альдор улыбнулся. – О, я верю вашему величеству, ибо вами движут благородство и долг. Вы способны спланировать великую хитрость, но совесть не позволит вам нарушить уже данное обещание. Благородная черта, которая погубила многих хороших людей.

Король молчал. Граувер, чувствуя, что полностью завладел его вниманием, продолжал:

– Я знаю, что новая вера моего короля причиняет вам боль. Знаю и понимаю это, но хочу напомнить, что именно я все эти годы поддерживал союз Хайлигланда и Гацины. Да, у вас есть обязательства перед империей – ваша дочь замужем за лордом Демосом, а Горелому лорду даже я не рискну перечить открыто. Да, вы не станете переходить дорогу Эклузumu, ибо гнев божьих людей погубит всех нас. Но я никогда не требую от вас подобного. Все, чего я смею просить –

однажды оказать услугу лично мне. Не Хайлигланду, не моему королю, но мне – Альдору ден Грауверу. И взамен клянусь сделать все возможное для укрепления вашего положения.

Энриге опустился в кресло и устало потер глаза. Как же он сдал за эти годы. Волосы значительно поседели и поредели, кожа истончилась и высохла, даже некогда могучие руки стали тоньше, а пальцы загибались крючками. Глядя на короля, Альдор отчего-то подумал, что воспользоваться услугой мог бы и не успеть – казалось, Энриге уже готовился к смерти.

– Хранитель с вами, Альдор ден Граувер, – вздохнув, сказал король и вытащил из-под воротника золотую цепь с усыпанным алмазами диском. – Клянусь оказать вам такую услугу, когда вы того потребуете. Именем Хранителя и всех его вознесшихся детей.

Эрцканцлер поклонился.

– Я никогда не забуду вашей милости.

– Уж надеюсь.

– Также нам нужно вынести решение и о другом, куда более важном, вопросе, – король устало взглянул на обнаглевшего барона, но жестом велел говорить. – Хотя свадьбу кронпринца назначили на ближайшую осень, в свете новых обстоятельств необходимо ускорить процесс. Иначе можем не успеть.

– Но траур Умбердо...

– Был делом добровольным и давно закончился. Это не повредит ничьей репутации. От лица короля Грегора я настаиваю на том, чтобы свадьба состоялась в День середины весны.

– Через месяц? – опешил гацонец.

Альдор демонстративно обозрел убранство кабинета.

– Уверен, этого хватит на подготовку. Хайлигланд, конечно же, в стороне не останется. Мы бедная, но очень гордая страна. Кое-какие запасы у нас остались.

Король бессильно взмахнул руками и развалился в кресле.

– Это же будущий правитель Гацоны! Даже моя коронация готовилась полгода, а вы хотите сделать деревенские гуляния из королевской свадьбы.

– Уверен, мы успеем обо всем позаботиться. Но вы и так понимаете, что медлить уже нельзя. Не теперь.

– Граувер, вы меня убиваете...

– Ваше величество убивает слабое сердце. Я же за всю свою жизнь убил лишь двоих, в чем до сих пор раскаиваюсь.

Энриге сдался:

– Господь с вами, я согласен. Свадьба состоится через месяц, начнем же подготовку немедленно. Двору объявим завтра.

Альдор с готовностью кивнул.

– Я хотел бы сообщить эту новость леди Рейнхильде лично.

– Увы, это невозможно. Она, как вам уже известно, гостит в Виенце. До вольного города пять дней пути. Четыре – если очень поторопитесь. Но у вас, полагаю, этого времени нет.

– Ваше величество, как всегда, правы.

– Ничего, думаю, наша невеста это переживет. Виенца – подходящее место, чтобы быть застигнутой врасплох новостями о свадьбе. Там обитают лучшие ювелиры и портные.

Альдору ничего не оставалось, кроме как смиренно согласиться. Энриге был прав: забота о свадьбе с хайлигландской стороны полностью ложилась на его плечи, а раз так, то единственное путешествие, которое он мог себе позволить – в Эллисдор, к Грегору.

Эрцканцлер натянул фальшивую улыбку и выразительно глянул на расписной ларец с крупной суммой, который ранее доставили королю. Значительную часть этих денег Альдор вытряс из собственной улыцфельдской казны.

– Она не должна ни в чем нуждаться, – напомнил он.

– Разумеется, – согласился гацонец. – А сейчас, когда мы обо всем договорились, пожалуйста, отдохните и напишите нашей невесте. Ей будет приятнее узнать эти новости от вас – все же вы ей не чужой человек, – что-то кольнуло Альдора под дых, когда он услышал эти слова. Неужели старый проходимец догадывался? – Успокойте ее. Видит бог, моему сыну нужна жена с нервами, подобными канатам, а не дерганная малахольная девица. Другая с Умбердо не сдюжит.

– Почту за честь. Отправлю гонца сегодня же.

Альдор поклонился, стараясь не выдать волнения. В конце концов, он тащился через всю страну не только затем, чтобы просиживать зад в гацонских кабинетах. Он невыносимо, бесконечно и мучительно скучал по Рейнхильде Волдхард. Ради того, чтобы снова ее увидеть, Альдор согласился бы не только пережить покушение, но и пару раз самому проломить себе голову.

Теперь им предстояло увидеться лишь в день ее свадьбы.

Ну почему, почему она уехала из Турфало на дюжину дней раньше?

1.2 Сифарес

Рассветные лучи пролились на шероховатый пол древней залы. Тайный эмиссар Симуз Джеридаас отложил свиток с очередным доносом, потушил часть свечей и, рухнув на скамью, спрятал лицо в ладонях.

Жаркое эннийское утро началось с новостей о провале.

– Будь оно все проклято, – Симуз потянулся за водой и чертыхнулся. Кувшин давно опустел, а избавиться от жажды было некому: слуг сюда не пускали.

На его памяти подобного безумия еще не случалось. Весь материк, казалось, сошел с ума. Неожиданные союзы вчерашних врагов, безумные намерения возгордившихся правителей, моровые поветрия, мракобесие всех сортов – каждый день беспокоил известиями одно другого хуже. Шпионские доносы приходили отовсюду: новостей было столько, что служители Эмиссариата не успевали их проверять, а почтенные Магистры не спешили выделять людей в помощь. Боялись за сохранность тайн, что обсуждались в этих древних стенах.

Магистрат продолжал успешно править Эннией лишь потому, что не экономил на шпионах и не оставлял следов. Потому ни сам Симуз, ни его должность, ни люди, с которыми он работал, ни даже этот зал официально не существовали.

– Что же тебя погубило, Геммалия? – размышлял он. – На чем ты прокололась?

То, чем в последние месяцы занимался Эмиссариат, уже начинало походить на гадание. Бесплодным попыткам связать друг с другом множество событий не было конца. Стремясь разобраться в происходящем, Симуз добровольно заточил себя в стенах этого зала, но значимых результатов так и не достиг. А теперь лишился еще одного опытного лазутчика.

Следовало признать, хайлигландец оказался им не по зубам. Но единственный способ все исправить был слишком рискованным. Господин не одобрил бы.

– Интересно, только мы его недооценили? – вынужденное затворничество накладывало отпечаток, и Симуз завел привычку разговаривать с картой материка. Мозаичное панно тончайшей работы занимало всю стену и пестрело отметками, которые ежедневно оставляли эмиссары. Рядом с каждым городом шелестел на сквозняке целый ворох прикрепленных воском лент. Сомнительные сделки, взаимовыгодные браки, тайные сговоры, убийства, подкупы – вот что таили узкие полосы желтой ткани. И над всем этим, подобно вознесшемуся на небеса богу, возвышался Симуз – обычно для этого приходилось пользоваться лестницей – и пытался угадать следующий шаг каждого из своих многочисленных подопечных. Подопечных, которые, к счастью, понятия не имели о его существовании.

Кроме одной. Но и она молчала.

– Эти хайлигландцы вечно оказываются не теми, кем кажутся, да? – эмиссар аккуратно прикрепил донос к точке, отмечавшей столицу Гацоны. – А Гемма подвела всех нас.

Впервые за почти полтора десятка лет Симуз был готов признать, что не справился с обязанностями. Он уже не помнил, когда покидал здание Эмиссариата больше, чем на пару часов, и навещал Десари. Величайшая ирония его жизни – день за днем расшибаться в лепешку ради немощной дочери, но так и не находить возможности ее увидеть. И лишь мертвым богам было ведомо, как Симузу все это надоело.

Сейчас он переводил дух в одиночестве, снова сидя на жесткой лавке, но знал, что уже совсем скоро зал наполнится шорохом мягких туфель, а шепот множества голосов на всех известных материке языках не утихнет до самого заката. Если утихнет.

– Я начинаю переживать за тебя, мальчик мой.

Эмиссар медленно повернул голову и, подавив вздох разочарования, поднялся, чтобы с почтением поприветствовать вошедшего. Магистр Эсмий Флавиес – самый влиятельный сукин сын всея Эннии, – бодро шагал к заваленному доносами столу.

– Доброго дня, господин, – Симуз поклонился, исподлобья разглядывая подол длинной туники гостя. Эсмий годился ему в отцы, но седина, морщины и напускная немощность главы Дома Флавиес частенько шутили с недругами злую шутку.

– Сколько дней ты не выходил из кабинета? – в голосе Магистра сквозила забота, но Симуз знал, что она была фальшивой. Этот человек ненавидел его, ненавидел истово и бескомпромиссно, и чувство это было взаимным. У обоих имелись на то веские причины, и все же оба были достаточно мудры, чтобы поступиться личными счетами ради дела. Они нуждались друг в друге, и этот зацементированный ненавистью союз продержался уже больше десяти лет. – Когда ты в последний раз спал?

– Не помню, – честно ответил эмиссар и поскреб медную щетину. Подбородок мучительно чесался. – Пожалуй, дня три назад – хвала лунному песку и прочим затейливым снадобьям. Чем могу служить?

– Сегодня отправись ночевать домой. Вымоешься и выступишь как следует, – Эсмий подошел к карте и ласково погладил ленты с доносами возле столицы Гацоны – рядом с Турфало не осталось свободного места. – Ты уже знаешь, верно?

– Конечно.

– Крайне несвоевременная оплошность.

– Согласен.

– Я всегда ценил тебя за гибкий ум и способность действовать в рискованных обстоятельствах, и теперь мне все это понадобится. Особенно теперь.

Эмиссар сдержанно кивнул.

– Что я должен делать?

Магистр отступил на несколько шагов и замер, с гордостью взирая на карту.

– Подойди сюда, – потребовал он и взял со стола длинную резную указку. – Взгляни на наше творение. Прекрасно, верно? Настоящее произведение шпионского искусства.

– Жаль, оценить почти некому.

– Гацона, солнечная Гацона... – тихо пропел Эсмий, и кончик указки коснулся столицы заморского королевства. – Ты ведь бывал в Турфало, Симуз?

Эмиссар хорошо помнил то задание: избавиться от одного влиятельного гацонского купца, решившего помешать развитию Бельтерианского банка. Тогда Энния была заинтересована в тихой уступке со стороны Гацоны.

– Восемь лет назад, – уточнил он. – Уверен, с тех пор не многое изменилось: шумные праздники, показная набожность и возмутительно прекрасное вино.

– И прекрасные шлюхи.

– Мертвые, господин. Действовать так грубо больше нельзя: эрцканцлер не идиот. Я хорошо знал, на что способна Геммалия – мы ведь несколько раз работали вместе. Поверьте, Граувера либо спасло чудо, либо...

– Хватит об этом, Симуз. Важно, что теперь свадьба состоится.

– Если мы не избавим кронпринца от невесты, конечно.

Эсмий Флавиес с деланным возмущением уставился на него:

– Мальчик мой, мы же не звери! Хотя признаю, что это решило бы нашу задачу. Впрочем, проблема для нас не в женитьбе напыщенного фанфарона и скромной, но благородной девушки. Проблема в том, кто этот брак организовал.

– Мы можем подготовить покушение на эрцканцлера во время свадьбы, но я не...

– Отставить, – приказал Магистр. – Альдор ден Граувер хорошо умеет выискивать скрытые подтексты. Думаю, он понял наш намек.

– Но не отступится, – добавил Симуз.

– Разумеется. И раз его предприятие почти что увенчалось успехом, нам стоит подумать, какую выгоду можно из него извлечь. Разве тебя не интригует возможная встреча двух непри-

миримых врагов? Король Хайлигланда и канцлер империи в одном зале – только представь себе!

О, Симуз хорошо представлял, чем могла закончиться эта встреча, стоило одной из сторон потерять контроль.

– Вы опасаетесь за здоровье племянника?

– За Демоса-то? – усмехнулся Магистр. – Он умный мальчик. Пожалуй, слишком умен для страны, которой служит. Да и его кузен Грегор куда сообразительнее, нежели хочет казаться, – Эсмий снова уставился на карту. – Они обменяются остротами, позубоскалят друг у друга за спиной, возможно, поначалу откажутся сидеть рядом на пиру, но после сдадутся, дабы соблюсти приличия... И все время, сидя на разных концах роскошного стола, они будут сверлить друг друга взглядами, полными ненависти и презрения. Прямо как мы с тобой, когда не говорим о деле, – Симуз дернулся, как от пощечины. Указка скользнула по территории Хайлигланда и, в один миг преодолев синюю мозаику Лутинского моря, остановилась подле имперской столицы. – Но беда обоих – и своенравного Грегора, и умницы Демоса – в том, что, глядя друг на друга, оба смотрят не туда.

Эмиссар обреченно вздохнул и поднял глаза на маленькое, окруженное горами государство, разделявшее империю и Хайлигланд на суше. Он понял, к чему вел Эсмий.

– Сообщений из Ваг Рана давно нет, господин.

Магистр выудил из-за пазухи узкую тканую ленту.

– Ночью прибыл человек из Рантай-Толла, – он протянул послание эмиссару. – Не благодари.

Симуз поднес испещренную знакомым шифром ленту к свету. Прочитав короткий донос, он нарочито бережно разгладил ткань. Но на душе его было беспокойно.

– Что думаешь? – спросил Магистр.

– Наш старый друг Данш совершает все ошибки, которые мы от него ожидали. В его руках сосредоточено слишком много власти, которой он пользуется практически единолично. Немудрено, что среди вагранийцев, привыкших к правлению аж одиннадцати советников, начались волнения, – Симуз ненадолго задумался. – Все случилось быстрее, чем мы рассчитывали, и это мне не нравится. Невозможно предсказать исход.

Эмиссар невольно поежился, вспомнив, каким образом советник – или Шано, как их называли в Ваг Ране – Заливар нар Данш прорубил себе путь к власти. Столько благородной крови в один день не проливалось уже очень давно. Настоящая трагедия в духе поэтов Древней империи, и Симуз видел то побоище собственными глазами. А еще он отлично помнил, чем Данш отплатил своим сообщникам – их обезображенные тела, выставленные на главной площади Рантай-Толла, долго пугали ворон и горожан, а сам Симуз едва унес ноги. Даже вернувшись в Эннию, он то и дело оглядывался, ища за спиной отряд седовласых воинов, вооруженных отравленными клинками и стрелами.

– Шано Данш принадлежит к той редкой категории политиков, которых я не переношу на дух, – медленно проговорил Эсмий. – Он идеалист. Падение его власти – лишь вопрос времени, ибо он обрел ее вопиюще грубым путем. Если в Ваг Ране действительно начались волнения, нам следует воспользоваться ситуацией. Время пришло.

Плечи эмиссара дернулись, по спине пробежал холодок.

– Простите, господин, но...

– Возможно, ты считаешь, что мы не готовы действовать, но уверяю тебя, это не так, – магистр понимающе улыбнулся. – Ваг Ран всегда был занозой в заднице у всего материка. И все же до того как Данш перебил почти всех неугодных советников, поведение вагранийцев было более-менее предсказуемым. Теперь, когда к власти пришел этот одержимый сумасбродными идеями колдун, общение с Ваг Раном превратилось в пьяный танец на плохо закрепленном висячем мосту, перекинутом над кишачим крокодилами прудом. Кто знает, что наш друг

учудит в следующий момент? Если раньше он был возможной проблемой, то сейчас становится угрозой.

В голове Симуза окончательно сложилась картина задуманного господином.

– Вы желаете взять Ваг Ран под протекторат Эннии, – утверждал, но не вопрошал он.

Эсмий слабо улыбнулся.

– Это слишком громкое заявление. В Магистрате ожидают, что наше тихое вмешательство в политическую жизнь Ваг Рана приведет к формальному союзу государств. Торжественное подписание очередного Вечного мира, парочка выгодных торговых договоров, сильное эннийское представительство в Рантай-Толле... Ты знаешь, как это делается. Данш с его непредсказуемостью нам в этом не помощник. Но милостью богов в Ваг Ране и за его пределами еще остались потомки Первых Шано, способные повести за собой людей. И, хвала мертвым богам, они гостят в моем доме.

– Империя и Эклузум непременно отреагируют на это. Хайлигланд и рунды... Господин, я прошу вас еще раз подумать, прежде чем... – почти взмолился Симуз, но магистр заставил его замолчать одним лишь взглядом.

– Я думал об этом последние тридцать лет, – у виде недоумение на лице бывшего шпиона, он усмехнулся. – Энния не была бы Эннией, кабы полагалась только на эмиссаров. Даже на таких преданных, как ты.

Усилием воли Симуз заставил себя молчать. Они оба знали, на чем держалась его преданность все эти годы. Десари была больна, и лишь возможности Эсмия позволяли обеспечить ей должный уход.

Магистр направился к выходу.

– Будут распоряжения для меня? – тихо спросил эмиссар, в тысячный раз желая этому ублюдку провалиться в самый кошмарный ад.

Помедлив в дверях, Эсмий обернулся и бросил последний восхищенный взгляд на мозаичную карту: выложенные драгоценными камнями города искрились на солнце.

– Отправляйся домой и приведи себя в порядок, а после займись поисками нашей гостьи: она снова сбежала. Впрочем, и далеко уйти точно не могла. Разущи и дай этой вагранийской ведьме понять, что если она снова откажется от нашего гостеприимства, я прикажу посадить ее на цепь.

Створки резных дверей захлопнулись, и Симуз устало опустился на скамью. Этого еще не хватало. В который раз? Пятый? Шестой? Почему она раз за разом подрывала их доверие? Чего ей не хватало?

Эсмий Флавиес оказывался прав во многом, но особенно – в том, что нрав у Артанны нар Толл был сквернее, чем у сотни разъяренных тигриц.

– Раз, два, три, четыре, пять – Медяк идет тебя искать, – шепнул Симуз и полез в карман за очередной щепоткой лунного песка.

* * *

– Дава-а-ай! Бей ее!

Артанна так и не научилась достойно изъясняться по-эннийски, но глаза у нее оставались на месте. Трудно было не заметить, что иноязычную белиберду кричали, тыкая пальцами в нее. Да и смысл угадывался легче легкого: в этом месте говорили и думали лишь об одном.

Она молча изучала шеренгу бойцов, выстроившихся вдоль слабо освещенной стены просторного барака. Все просто: сейчас она будет кого-то бить, а этот кто-то попытается побить ее. Ничего нового и ничего личного, просто здесь так делались деньги.

А деньги Артанне нар Толл были ой как нужны. Без них из Эннии ей не выбраться.

Круг, образованный потными человеческими телами, расширился. Позади нее выкрикивали ставки, звенели монетами, хлебали забродившее кисловатое пойло в глиняных кувшинчиках, что продавалось на каждой портовой улице. На Артанну ставили немногие. И ошибались.

Еще пяток боев – и можно делать ноги из Сифареса. В какую сторону, она пока не задумывалась: во всем грешном мире не осталось места, где ей были бы рады. Все, кого Артанна знала, либо погибли, либо считали погибшей ее, либо сделали все, чтобы загнать ее в могилу. Исключением оставался Сифарес – здесь ее хотя бы не пытались убить, но эннийское гостеприимство, окутанное неисповедимыми замыслами Магистра, начинало утомлять. Умел Эсмий Флавиес нагнать туману. Но что бы ни замыслил этот эннийский хрен, Артанна не желала становиться его пешкой.

Следовало бежать как можно дальше. Но черта с два она сможет сделать это без денег. На корабль ее не возьмут даже драить палубу, к каравану без взноса тоже не прибиться, а уходить в одиночку, да еще пешком, нечего и пытаться – стража давно предупреждена, все городские ворота надежно охраняются. Артанна знала, что в этот раз ей не уйти. И в следующий. Ничего, она просто готовила почву для побега. Однажды у нее получится обмануть их всех.

А пока следовало просто драться. Кого бы ни выставили против нее, он должен поцеловать землю, иначе вся затея лишится смысла.

– Ну, кто выйдет? – рявкнул распорядитель боев.

Бойцы возле стены зашевелились. Кто-то презрительно отмахнулся – дескать, с бабой драться – себя не уважать. Другие изучающе разглядывали Артанну и прикидывали шансы. Совсем уж безобидной она не казалась: высокая как дерево и сухая как щепка. Опытные бойцы знали, что таких жилистых ребят легко разжевать не получится. Впрочем, всегда находились те, кому было все равно, с кем драться. Трое бойцов выступили вперед, выражая готовность помахать кулаками. Артанна не шелохнулась. Ей было плевать.

Сломанный во время одного из неудачных побегов нос мучительно чесался под шарфом, который пришлось намотать вокруг головы, скрывая чрезмерно выразительные черты лица и седые волосы. Но увы, Артанну всегда выдавал рост. Выдаст и сейчас. Джерт, сукин он кот, обязательно ее найдет. После первого побега, когда Артанна прошлялась по Сифаресу добрых пять дней, но так и не смогла покинуть город, Магистр посылал за ней именно Медяка – больно уж хорошо у него получалось отыскивать беглецов. Медяк справлялся за день-другой.

Артанна не сомневалась, что и в этот раз он доберется до нее к закату. Но черта с два она облегчит ему задачу.

– Хессо! – вызвал распорядитель.

В круг вошел невысокий, но очень крепкий молодой мужчина с умными темными глазами и бронзовой кожей. Коренной энниец, настоящий силач по местным меркам. Артанна была выше на целую голову, но вдвое уже в плечах.

Вагранийка подала руку в знак приветствия – насмерть здесь не бились, лишь зарабатывали деньги, а потому старались соблюдать приличия и почем зря бойцов не калечили. Хессо, или как там его звали, ответил крепким пожатием и с любопытством уставился на шрамы, покрывавшие руку соперницы от запястья до самого плеча.

– Война? – коротко спросил он.

– Многие войны, – отозвалась Артанна на ломаном эннийском.

– Ветеран?

В тех местах, где она воевала, такого понятия не существовало. Но Артанна приблизительно понимала, что оно означает – воин, отслуживший положенный срок, вышедший в отставку с почетом. Исполнивший долг перед страной. Ее же, можно сказать, в отставку отправили насильно. Наемники до отставки обычно не доживают. За редким исключением. Артанне еще повезло.

– Вроде того.

– Расходитесь! – прокричал распорядитель под нараставший гам, и образованный зеваками круг снова расширился.

Хессо отступил на несколько шагов, темные глаза прищурились, силясь уловить каждое движение соперницы. Артанна надежнее закатала рукава. Внутри нее разлилось тепло, тело и разум охватило спокойствие. Такое часто происходило с ней во время драки. Ведь, по большому счету, в драку было единственным, что Артанна нар Толл умела делать хорошо.

Сбоку пролаяли команду сходить. Противники одновременно закружили, не спуская глаз друг с друга. Хессо явно не вчера родился – держался собранно, бездумно в атаку не лез и явно пытался думать. Редкое явление для местной швали. Он ей почти нравился.

– Че такие робкие? Деритесь уже!

Оба не послушали. Хессо чуть ускорил движение, но все еще не атаковал. Выбирал, куда нанести первый удар. Артанна, наоборот, замедлилась, подпуская его ближе к себе.

– Покажи ей!

– Задай жару! Ну же!

Пялясь на Артанну, он не заметил, что слишком близко подошел к краю круга. Кто-то толкнул эннийца в плечо, Хессо всего на миг отвлекся, шаг сбился, равновесие сместилось. Артанне этого хватило. В этот момент она поблагодарила небеса за то, что уродилась здоровенной. И того идиота, что толкнул эннийца в центр круга.

Хессо правильно делал, лишний раз не сокращая дистанцию между ними. Конечности Артанн были ощутимо длиннее. Теперь он попал прямо ей под удар.

Артанна выбросила вперед руку – кулак угодил прямо в челюсть. Голова Хессо откинулась назад, но мужик, следовало отдать ему должное, быстро пришел в себя и ушел в сторону. Люди в круге зароптали. Энниец укоризненно взглянул на Артанну – воспользовалась моментом слабости, но она лишь пожала плечами и продолжила кружить. Честный бой или нет, но для победителя все это не будет иметь значения.

Энниец понимал, что она сможет держать его на безопасном для себя расстоянии до тех пор, пока не устанет или не потеряет бдительность. Возможно, он был сильнее, но этой силе еще предстояло до нее дотянуться. И все же Артанна подпустила его ближе. В этом сраном городе для нее и так было не много радости, а хорошая взбучка и крепкий тумак заставляли кровь бурлить. Даже если этот Хессо убьет ее, жалеть она не станет. Лучше так – на импровизированной арене, от рук бойца, защищаясь и атакая, чем от тоски в золотых хоромах Магистра. Здесь Артанна хотя бы чувствовала себя в своей тарелке: в провонявшем потом и кровью бараке все было просто и понятно. А Эсмий полтора года просто пудрил ей мозги, суля едва ли не алмазные горы, но на деле просто держал в плену, не пойми зачем. И она сбегала от него раз за разом не потому, что с ней дурно обращались, но скорее от скуки.

Хессо напал. Хитрый сукин сын нанес два отвлекающих удара, но третий угодил прямо в печень. Артанна согнулась от резкой боли, в глазах поплыли круги, толпа радостно взвыла. Почти чудом она заметила кулак возле лица и едва успела развернуть корпус, а затем перехватила его руку своими обеими – у запястья и чуть выше локтя. Сила, которую Хессо вложил в удар, теперь помогала Артанне. Этого хватило, чтобы поменять направление удара – Хессо уже не мог остановиться, и, надавив на захваченную руку, Артанна устремила нападающего на пыльный земляной пол.

Оба рухнули, взметнув столб песка и мелкого мусора. Хессо – лицом в землю, а сама Артанна навалилась сверху, обхватив противника коленями и все еще удерживая больно вывернутую руку. Шевельнется – взвояет от боли. Шевельнется резко или сильно – попрощается с суставом.

Хессо это понимал и не дергался. Круг ревел.

Хвала одному латанийскому монаху, однажды показавшему ей эту хитрость. Латанийцы вообще любили драться без оружия – ум и хладнокровие превращали тело противника в рычаг. Белобрысы латанийские снобы творили с этими рычагами чудеса.

– Признаешь поражение – уйдешь с целыми руками, – наклонившись к самому уху Хессо, обратилась Артанна. – Потом могу научить, ежели еще встретимся.

Хессо прикрыл глаза в знак согласия, и поднял свободную, но беспомощную ладонь, чтобы знаком отказаться от борьбы. В круге разочарованно бранились, а распорядитель боев сгреб очередную кучу меди.

Мигом позже на противоположной стороне барака распахнулись двери.

Увидев знакомый силуэт, Артанна выругалась. С каждым разом Медяк находил ее все быстрее. Пора было менять тактику.

Но перед тем как подняться и отпустить Хессо, женщина незаметно кивнула распорядителю – они договорились еще во время первого ее побега, что все заработанное Артанной он будет держать у себя в обмен на половину ее чистого дохода. Лучше, чем ничего. Лишь бы сдержал слово.

– Привет, Джерт, – проговорила Артанна, стряхивая пыль со штанов. – Или Симуз. Или как тебя там, шустрый ты хрен. Совсем не даешь старушке повеселиться.

* * *

– Тебе это когда-нибудь надоест? – устало спросил Медяк. Артанна отметила, что эмиссар выглядел ещё паршивее, чем она сама – даром, что пришлось ночевать в бедняцком районе подле выгребной ямы. Положение Симуза позволяло спать на перине, есть с серебряных тарелок и носить шелка. Видать, в этом его Эмиссариате настали горячие деньки.

Все прошло как обычно: по приказу Джерта Артанну ловко скрутили стражники, при появлении которых зеваки бросились врассыпную. Боев Магистрат не запрещал, однако поглазеть и поучаствовать в портовых увеселениях частенько собирались люди, имевшие проблемы с законом. У Артанн с местным законом проблем не было, как и смысла сопротивляться, поэтому она спокойно дала взять себя под стражу.

– Мне надоело ни хрена не делать, – огрызнулась она, позволяя вести себя по пыльной улице. Завидев стражу, люди жались к стенам, потому по городу конвой двигался быстро. – А загадочный мешок дерьма, под дудку которого ты пляшешь, так и не дал ответов ни на один из моих вопросов.

– Если тебе приспичило подраться, могла бы просто сказать об этом слугам. Во дворце полно воинов, готовых задать тебе трепку. Ты бесишь всех, даже меня. Особенно меня.

– Это потому, что мы с тобой давно знакомы, – пожала плечами вагранийка.

– Сдается мне, ты зажралась, Артанна нар Толл, – мрачно произнес Медяк. – Зажралась и потеряла берега. Не многовато ли капризов для одной бесполезной наемницы, живущей в роскоши, недоступной большинству людей?

– Полезна я или нет, решал твой хозяин.

– Он не мой хозяин, – отрезал Медяк.

– И все же ты бросаешься угождать, едва Эсмий пошевелит пальчиком, – усмехнулась Артанна. – Вот и сейчас поперся искать меня явно не по своей воле. И бесишься оттого, что пришлось отрываться от своих шпионских делишек, чтобы гоняться за мной по всему Сифаресу. И все же напомню, что я в Эннию не рвалась. Ты привез меня сюда обманом по его приказу. А раз Эсмий велел доставить меня к нему, значит, я зачем-то ему понадобилась. Беда в том, что за полтора года он ни разу не упомянул, зачем. Мне просто надоело болтаться в неизвестности.

Медяк наградил ее тяжелым взглядом.

– Если в том бараке тебе отшибли память, мне не сложно напомнить, что ты жива лишь потому, что Магистру приспичило держать тебя в Сифаресе. Не прикажи он мне тогда отправиться за тобой, ты была бы уже трижды мертва.

– Как же мне с тобой повезло, – едко улыбнулась Артанна. – И что б я без тебя делала, золото ты мое?

Джерт вскинул руку, и конвой остановился. Шпион уставился на Артанну немигающим взглядом. Ей было хорошо известно, что он значил: шутки по-настоящему закончились. С этого момента Медяк – тот Медяк или Джерт, которого она знала, который вытащил ее из дерьма, сыпал шуточками и, пусть и по капле, выдавливал из себя что-то человеческое, – сдох. А на его место пришел Симуз – воплощение всего самого темного, что сидело в этом человеке.

Проблема Артанны была в том, что она так и не смогла привыкнуть к тому новому Медяку. Вернувшись на родину, он снял личину весельчака и стал тем, в ком нуждался его господин. Эсмию человеческие весельчаки, даже если они умели резать глотки, были не нужны. Интересно, чего же он в таком случае ожидал от самой Артанны?

– Плюйся ядом, пока можешь, – прошелестел Медяк. – Это был последний раз, когда ты сбегала, клянусь. Господин терпелив, но ты умудрилась вывести из себя даже его, а он – самый невозмутимый старый хрыч, которого я знаю. Если ты не согласишься играть по его правилам, придется держать тебя взаперти. И на этот раз сбежать не выйдет.

– Правила? – Артанна рявкнула так громко, что босой мальчишка, мимо которого они проходили, расплакался. – Что это за правила такие, а, Медяк? Хоть бы кто-нибудь сказал что-то путное, а то лишь держите взаперти да помалкиваете. Чего вы от меня хотите? На каких условиях? И в каком долгу ты перед этим Магистром, если так пресмыкаешься перед ним?

Медяк глядел на нее, не проронив ни слова. На улице стояла невыносимая жара, но ваграницейку пробил озноб. Ей бы научиться вовремя прикусывать язык, да все было недосуг.

– О, мы заговорили об условиях, – холодно улыбнулся Симуз. – Ты жива, относительно здорова, в безопасности и наслаждаешься гостеприимством влиятельнейшего человека в Эннии. Чего еще тебе не хватает?

На этот раз следовало аккуратнее выбирать выражения.

– Прости, что я наговорила лишнего. Я не знаю, что тебя с ним связывает, и прошу прощения, – Медяк удивленно приподнял бровь и жестом поторопил Артанну. – Мне нужны ответы. Почему я здесь? Почему ты привез меня сюда именно в тот момент, а не в любой другой? Почему Эсмий держит меня взаперти, не давая ни вольной жизни, ни дерьмовой смерти? Почему лжет и недоговаривает? Зачем ему все это, наконец? Неужели после всего, через что я прошла – а ты знаешь, через что, – я не заслуживаю хотя бы простых ответов?

Медяк не сводил с нее внимательного взгляда, а саму Артанну не покидало ощущение, что именно сейчас, именно в этот раз, она получила последнюю попытку договориться. Не с Эсмием, а с тем Медяком, с которым они когда-то даже могли подружиться. Черт возьми, он оказался единственным человеком в этой стране, с которым у нее было хоть что-то общее. Сложись обстоятельства по-другому, возможно, они смогли бы...

– Что, если я дам их тебе? – после долгого молчания спросил Симуз.

– Я перестану трепать тебе нервы.

– Мертвые боги, я согласен! – взвыл Джерт. Артанна не сдержала улыбку. Это было так похоже на того Медяка, с которым они два года назад переругивались в эллисдорских казармах. С тех пор произошло столько всего, что, казалось, прошла вечность. Медяк посерьезнел, его прищуренные глаза вновь смотрели холодно, но теперь Артанне почудилось в них понимание. – Хорошо, вот мое предложение. Не Магистра, а мое. На материке кое-что происходит, и я пока не знаю, насколько это важно и коснется ли тебя. Не высывайся и будь паинькой несколько дней, пока я не пойму, что к чему. Идем.

– Грегор?

– Данш.

Теперь уже Артанна остановилась так резко, что один из солдат едва не налетел на нее.

– Что он сделал?

– Много всего. Вопрос не в том, что он натворил, а в последствиях – для него и всех нас. Вот тебе первый ответ, Артанна нар Толл. Считай это задатком.

Они долго шли молча. Жара, к которой ваграния тоже так и не смогла привыкнуть, давила на голову. Соленый воздух пах рыбой и тухлыми водорослями. Зато в мареве чудо как хорошо смотрелись толстые башенки дворца Флавиесов. Золото, лазурь, изразцы – роскошная у нее тюрьма, что ни говори.

Остаток пути они проделали в полном молчании. И лишь после того, как, миновав парадную лестницу и сад с кипарисами, они прошли в здание с черного хода, покивали уже хорошо знакомой Артанне страже и вошли в спасительную прохладу маленького зала, она опять все испортила.

– Несколько дней, Медяк, – сказала ваграния. – Несколько дней. Если до новой луны Эсмий не посвятит меня в свои планы относительно моего места в них, клянусь, я найду, чем его огорчить. Жить мне особо незачем, а смелость с ней расстаться я в себе уж как-нибудь найду. Ты знаешь, я на диво изобретательна, когда дело касается членовредительства. Господин не погладит тебя по головке, если узнает, что его драгоценная гостя отдала богам душу, а ты не успел ей помешать.

Джерт даже не взглянул на нее. Лишь печально вздохнул и обратился к одному из солдат:

– Пожалуйста, свяжите нашу гостью и сопроводите в ее прежние покои. И немедленно позовите аптекаря.

Она попыталась вырваться – одному двинула связанными руками промеж глаз, второму – треснула по колену, но на том все и закончилось. Спустя несколько мгновений ее, все еще отчаянно сопротивляющуюся, потащили наверх. Медяк шел следом, позволяя страже делать свою работу. Свою он уже выполнил.

– Аптекарий-то зачем? – рявкнула Артанна, когда ее бросили на ковер со вкусом обставленной комнаты.

– Не хочу, чтобы ты натворила глупостей, пока я буду искать для тебя ответы, – признался Медяк и кивком головы поприветствовал вошедшего старика. – Окурите эту женщину самым приятным дурманом и держите в таком состоянии, пока я не прикажу привести ее в порядок. Для ее же безопасности. Магистру я доложу сам.

Артанна зло сплюнула на драгоценный рикенаарский ковер.

– Сукин же ты сын, Медяк.

– Симуз, дорогая. Пожалуйста, зови меня в этом дворце по имени. У Эмиссариата настали сложные дни, и черта с два я позволю путать наши карты еще и тебе.

Аптекарий выудил из принесенного ларца изящный флакон с розоватыми кристаллами. Симуз одобритительно кивнул.

– Отличный выбор, мастер. – Он присел на корточки возле онемевшей Артанны. – Добро пожаловать в рай. Признаться, я тебе отчасти завидую.

1.3 Турфало

Даже на репетиции свадьбы кронпринц Умбердо был ослепителен.

Первый красавец южной Гацоны вырядился столь щегольски, что затмил само солнце: расшитый драгоценными камнями дублет отбрасывал на стены Святилища мириады бликов, роскошная тиара сверкала, заставляя окружающих болезненно щуриться. Напомаженные темные волосы гацонца мягкими волнами спускались по плечам и подчеркивали изящные черты лица, а унизанные перстнями тонкие пальцы порхали в воздухе, когда Умбердо щедро раздавал приветствия воображаемым гостям. Ожидая предполагаемую невесту у алтаря, он выглядел счастливейшим человеком на свете. Безбожно лгал, разумеется.

– Фазан ряженный, – пробормотал Альдор и промокнул выступившую на лбу испарину надушенным платочком.

Он ненавидел этого высокомерного болвана со всей страстью, на какую только был способен. Если что и доставляло ему удовольствие в последний год, то лишь неизменные фантазии о смерти кронпринца.

Прекрасное бледное лицо под толщей воды; сомкнутые на посиневшей шее скрюченные пальцы, ядовитая розовая пена в уголках перекошенного рта; удивление, застывшее в остеклевших глазах, и алая-алая кровь на вышитом полусотней мастериц дублете – таким и только таким Умбердо Гацонский нравился Альдору. Всякий вор заслуживал кары, но вор, отнявший последнего друга, по мнению эрцканцлера, мог рассчитывать лишь на мучительную смерть. Умбердо же пошел дальше, отняв не просто верного товарища, но женщину, которую Альдор любил всем сердцем.

Хуже всего было то, что он лично хлопотал об этом браке. Хайлигланд уже вторую осень страдал от неурожая, вымирали целые деревни, армия поредела втрое, а казна опустела еще в первый голодный год – все ушло на закупку хлеба. Хлеба, который втридорога продавала им Гацона, пользуясь изоляцией соседей от цивилизованного мира. И теперь, когда на севере начали голодать даже лорды, Рейнхильда Хайлигландская отдавалась этому кретину Умбердо за обоз с зерном.

Альдор лгал, хитрил и даже убивал ради короля, настроившего против себя весь материк. Он принимал решения, действовал и нес ответственность за ошибки – все во благо Хайлигланда. Но еще никогда он не предавал тех, кого любил. И, что было еще тяжелее, Рейнхильда ни разу не обвинила его, а лишь безропотно покорила судьбе и воле брата-короля. Лучше бы она его ненавидела.

У алтаря все были заняты делом: церковные служки в шестой раз натирали до блеска золоченую утварь, священники репетировали торжественные молитвы, люди распорядителя носились с пурпурными стягами королевского Дома Аро и сине-голубыми флагами Волдхардов, споря, в каком порядке их надлежало развесить. Эта суeta длилась уже третий день и до смерти наскучила Альдору. Грегор послал его вперед себя – приготовить все к приему хайлигландской свиты, а сам намеревался прибыть лишь за пару дней до церемонии. Рейнхильда задержалась в Виенце и тоже не спешила на собственную свадьбу. Других друзей при гацонском дворе у Альдора не было.

Поглядеть на репетицию собрались богатые зеваки из низшего сословия, щедро пробащившие страже за право приобщиться к недоступной роскоши. Во время церемонии их все равно не пропустят дальше Соборной площади, а так хоть что-то увидят.

Альдор пытался отвлечься от мрачных дум, по привычке блуждая взглядом по огромному церковному залу. Вскоре увидел богато, но со вкусом одетую темноволосую даму – редкое явление для местной купчихи. Если гацонки выбирали шелк, то непременно яркий. Бусы – обязательно из сверкающих стекляшек. Башмачки – из атласа и парчи. Эта же незнакомка

несла статус богачки как должное – зачем выставлять напоказ то, что и так всем известно? Лица ее было не разглядеть – мешала полупрозрачная вуаль, нежным облаком клубившаяся вокруг чела. Подле дамы, опираясь на трость с массивным серебряным набалдашником, на самом краю скамьи сидел болезненно худой мужчина, но дурацкая вуаль не позволяла рассмотреть и его. Несколько раз пара перешептывалась, обменивалась кивками, до Альдора даже долетали смешки. Наконец, незнакомка повернула голову, и на одно мгновение Альдору удалось хорошо рассмотреть ее спутника.

– Проклятье...

Темные волосы, болезненный вид, характерный крючковатый нос, обезображенные ожогами руки и половина некогда благообразного лица. Ошибки быть не могло.

Над репетицией потешался сам канцлер империи Демос из Дома Деватон. Герцог Бельтерианский, племянник усопшего императора Маргия, кузен Грегора и человек, которого король Хайлигланда величал не иначе, как своим врагом. А той незнакомкой, несомненно, была его жена Виттория – ненавистная сестрица кронпринца Умбердо.

Альдор не ожидал, что приглашение, посланное лишь из вежливости, найдет столь живой отклик. Демос должен был понимать, что его здесь не ждали, но все же прибыл. И прибыл на неделю раньше положенного срока.

Зачем?

Глаза Демоса и Альдора встретились. Горелый лорд – так имперского канцлера называли в народе – почтительно кивнул и растянул губы в безобразной улыбке.

Мгновением позже Виттория что-то шепнула ему на ухо, и супруги спешно покинули скамью. Окруженные охраной – по движениям этих людей Альдор понял, что разряженный эскорт Демоса состоял сплошь из хорошо обученных телохранителей – герцог и герцогиня Бельтерианские скрылись в темноте ниши огромного собора.

– Ганс, – хрипло подозвал слугу эрцканцлер.

– Ваша милость?

Верный помощник торопливо поправил ливрею и бросил тревожный взгляд на побледневшее лицо Альдора. Справившись с эмоциями, Граувер наклонился к самому уху Ганса:

– Ты видел человека с обожженным лицом?

– Да, господин. Бельтерианский негодник Фуа.

– Болваны! Это герцог Бельтерианский.

Глаза слуги округлились.

– Быть может, распорядитель что-то напутал? – виновато пробормотал он.

– Не знаю, куда смотрел распорядитель, но только что я видел не какого-то торгаша, а самого Демоса Деватона, – эрцканцлер перешел на тихий шепот: – Найди способ передать ему, что я хочу увидаться наедине. Скажи, у меня есть предложение. Но осторожно. Об этом никто не должен знать.

– Будет исполнено.

– Никто...

– Я не подведу, ваша милость.

Альдор молча кивнул. В верности Ганса сомневаться не приходилось, но осмотрительность никогда не была лишней, особенно в центре змеиного клубка, именуемого Гацоной.

– И еще кое-что, – вспомнил эрцканцлер. – После того, как передашь весточку Деватону, ступай к секретарю Энриге и организуй мне приватную встречу с его величеством. За ним должок, и, кажется, я придумал, какую выгоду можно извлечь из этого обстоятельства.

– Непременно.

Слуга поклонился и вскоре затерялся среди многочисленных колонн. Альдор мрачно улыбнулся своим мыслям. Он рисковал всем: собственной головой, репутацией и бог знает чем еще. Если хоть кому-то станет известно о его замысле...

Зато, быть может, Альдор ден Граувер войдет в летописи как человек, спасший материк от бессмысленной кровавой религиозной войны. Стоило попытаться.

* * *

«Дрянная девчонка!» – в очередной раз Демос обругал жену за сумасбродство, но при этом все никак не мог стереть глумливой улыбки с лица.

В душном чулане, куда его тайком затащила Виттория, пахло свечным воском и было очень тесно. Впрочем, супругу это обстоятельство не остановило, а, наоборот, казалось, лишь раззадорило. Едва за ними закрылась резная дверца, четырехпалая рука женщины накрыла вспотевшую ладонь герцога.

– Сейчас, – взмолилась она, прижавшись губами к его изуродованному уху.

– И прямо здесь?

«Хлебом не корми – дай рискнуть и нарушить все приличия. Угроздило же меня жениться на южанке».

– Да, – горячее дыхание гацонки обжигало бугристую кожу на щеке Демоса, пока она подталкивала его к стене. – Кстати, нас заметили.

– Не так уж мы и прятались. Да и окажись Граувер слепцом, я бы сам отправил ему весточку, чтобы...

Виттория не дала ему закончить – не отводя взгляда от его глаз, она прижала руку мужа к глубокому вырезу на груди:

– Сейчас. Я хочу.

– Это безрассудно.

– Неужто ты против! – Виттория на миг отстранилась, но ловкие пальцы тут же скользнули вниз, к промежности, не дав Демосу перевести дух. – От меня не скроешь.

«Не то чтобы я пытался... Да и зачем? Желание дамы – закон!»

Демос уронил ставшую бесполезной трость, серебряный набалдашник глухо тукнул о стену. Виттория торопливо ерзала, пытаясь справиться с многочисленными юбками. Сбоку что-то хрустнуло.

– Дурацкая мода, – в сердцах прошипела она и вздрогнула, ощутив прикосновение руки Демоса к внутренней стороне бедра.

– В следующий раз оденься поудобнее, – он стащил с головы жены ажурное покрывало и зарылся носом в благоухающие волосы. – Или выбери другое место.

«Почему она продолжает меня желать? Почему вообще желает? – Демос в который раз задавался этим вопросом, но отмел размышления прочь. – Она не притворяется. Или все же... Нет, проклятая паранойя, этого ты мне не испортишь».

– Знала, что оценишь, – Виттория сладострастно улыбнулась, обхватив его воспрявшую плоть.

Низ живота свело от возбуждения.

– Бога ради, помолчи!

– Ты же сам...

Демос закатил глаза и заткнул Витторию поцелуем. На его памяти это было единственное средство заставить ее замолчать. Интимная близость по одной лишь Хранителю известной причине открывала в супруге канцлера неуместный ораторский пыл.

«Сама напросилась. Никакой пощады!»

Виттория его раззадорила. Отчего-то ей это всегда удавалось. Демос не останавливался – уже не мог. Не теперь, когда в его изуродованных руках изнемогала от страсти женщина, которую он любил всем сердцем. Самая восхитительная женщина на свете, которая уже больше

года безуспешно пыталась зачать ему наследника. С каждым разом ее попытки становились все отчаяннее и безумнее.

– Боже... – всхлипнула Виттория, прижавшись к нему всем телом. Демос сделал толчок – настолько глубоко, как только мог, и тело жены отозвалось судорогой.

В дверь постучали.

– Ваша светлость...

Демос с усилием остановился. Виттория подавила обиженный стон и вцепилась обеими руками в резной выступ, чтобы не упасть.

«Если это не касается судьбы всей империи, клянусь, я убью его».

– Что? – прорычал герцог.

Энниец Ихраз, служивший Демосу телохранителем, деликатно кашлянул.

– К вам посланник. От эрцканцлера Хайлигланда.

Виттория подняла на Демоса понимающий взгляд. Его плоть напряглась – он ведь так и не вышел.

– Пусть ждет, – принял решение Горелый лорд и снова прижал жену к стене. – Не терплю незаконченных дел.

Когда все закончилось, Демос быстро подтянул штаны, застегнул все пряжки и, расправив полы камзола, поднял трость. Виттория заговорщически ему подмигнула и чмокнула в обожженную щеку:

– Иди, – она оглядела свой несколько потрепанный наряд и тяжело вздохнула. – Похоже, я здесь надолго.

«Скорее небеса падут, чем дражайший кузен Грегор Волдхард соизволит меня поприветствовать. Мы же враги – так он считает. Значит, этот посыльный – личная инициатива эрцканцлера. Что же он надумал?»

Демос открыл дверь и, перенеся вес на трость, неуклюже вывалился из чулана. Стараниями Виттории, проявившей непомерное рвение в заботе о его здоровье, он давно перестал хромать, но тщательно скрывал это от окружающих.

«Они привыкли к уродливому калеке. Хотят видеть слабачку, что выглядит, как немощный старик, хотя ему нет и сорока. Что ж, так даже проще. Будет чем удивить».

Посланник – молодой хайлигландец с широким простоватым лицом – склонился в столь глубоким поклоне, что едва не поцеловал каменные плиты пола.

– Ваша светлость...

– Кто ты? – Демос поймал встревоженный взгляд телохранителя. Ихраз не подпускал людей к господину ближе, чем на пять шагов.

– Слуга барона Альдора ден Граувера, эрцканцлера Хайлиглан...

– Это я и так понял. У тебя есть имя?

– Ганс, ваша светлость, – не поднимая головы, отозвался посыльный.

– Разогни спину, Ганс, – приказал Деватон. – У меня жутко болит шея, когда наклоняю голову. А я привык смотреть людям в глаза во время разговора. Уважь калеку, встань нормально.

Посланник удивленно моргнул, но тут же принял строго вертикальное положение – хоть угол измеряй. Горелый лорд прошаркал до толстой колонны, привалился к ней с деланным облегчением и сделал жест, понятный лишь его людям. Ихраз кивнул. Наряженные богачами охранники отступили к завешенной плотной тканью арке, за которой проходила репетиция, но Демос спиной чувствовал его внимательный взгляд. Малейшее движение, хоть один неожиданный шаг – и от этого хайлигландского бедолаги останется лишь мокрое место. Ганс шумно сглотнул – вероятно, осознавал положение.

– Ну же, не бойся, – Горелый лорд растянул губы в неприятной улыбке. – С чем ты пожаловал?

Слуга зачем-то снова поклонился.

– Эрцканцлер ищет встречи с вашей светлостью.

– Зачем?

– Увы, мне известно немного. Его милость лишь просил передать вам, что это очень важно. Господин всерьез рискует, отправляя меня к вам.

«Еще бы. Если мой взбалмошный кузен-еретик узнает, что Граувер имеет со мной хоть какие-то дела за его спиной, у Хайлигланда вскоре будет новый эрцканцлер. И если пугливый, словно лань, барон Альдор все же решился на столь опасный шаг... Черт, это интригует».

– Больше он ничего не сказал?

– Увы, нет, ваша светлость.

Демос покрутил трость в руках, как делал всегда, когда размышлял. Наконец, он принял решение:

– Я выслушаю его. Передай эрцканцлеру, чтобы пришел к фонтану Гинтаре Тальдорской, что в западной части королевского парка. Ровно в полночь. Один. Его жизни ничто не будет угрожать – мои люди об этом позаботятся, – Ганс кивнул настолько ретиво, что шапочка съехала набок. Со стороны чулана послышался шорох и, как показалось Демосу, тихая брань. – Теперь ступай и сделай так, чтобы о моем присутствии не знали еще пару дней.

– Как будет угодно вашей светлости.

«Моей светлости было угодно остаться дома, а не болтаться неделями на корабле».

Посыльный залился краской и спешно удалился, испуганно озираясь по сторонам. Деватон подозвал Ихраз:

– Этой ночью нам предстоит прогуляться.

– Опасно, господин. Город плохо нам знаком, мест для схрона немного. Вы уверены, что стоит соглашаться?

Горелый лорд пожал плечами.

– Значит, постарайся, чтобы я выжил после этой встречи. Радует лишь то, что мы с моим собеседником рискуем в равной мере. Одно наше неосторожное слово – и Грегор снесет его умную башку с плеч. Я ожидаю, что он не станет глупить.

– Разумно, – Ихраз склонил голову в знак покорности. – Я подготовлю все для прогулки.

Демос же обратил взор на толстую свечу в стенной нише и усилием воли заставил тонкий огонек вытянуться на добрый локоть – неестественно, невозможно для обычного пламени. А затем, подойдя к ней, нежно прикоснулся к теплему воску.

– Ну же...

Через несколько мгновений то, что еще недавно было толстобоккой желтой свечой, расплылось и стекло на пол прозрачной лужицей. Встретившись с прохладой камней, воск тут же застыл, а темная нить фитиля изогнулась причудливой закорючкой.

«Он рискует, несомненно. Знает, что рискую и я. Правда, Граувер понятия не имеет о том, что охрана давно мне не нужна».

Ихраз мягко тронул Демоса за плечо – жест, который мог позволить себе только человек его положения. Слишком много пережитого связывало бывшего раба-телохранителя с господином.

– Лучше воздержаться от... фокусов, господин. Здесь всюду глаза и уши.

– Как пойдет, друг мой, – пожал плечами Демос. – Как пойдет... Если понадобится, мы выжжем слишком любопытные глаза.

1.4 Сифарес

Симуз, хоть и мог назвать Сифарес домом, эннийскую столицу все же не любил. Хорошие воспоминания об этом месте он мог пересчитать по пальцам одной руки.

Эннийский Магистрат отхватил самые богатые южные обломки Древней империи, но радовали они разве что самих Магистров да приближенных к власти вельмож. Золотые купола, лазурные изразцы, мраморные статуи и спасительная прохлада садов народу не достались. Безмятежность старых белокаменных городов была лживой: улицы замирали на время буйства полуденного солнца, не имевшего власти лишь в порту – там бойко торговали в любое время. А под покровом ночи, когда воздух более не обжигал легкие, из руин древних канализаций и подземных ходов вылезали толпы озлобленных людей. Воры, убийцы, насильники. Таких здесь называли Ночным народом.

Симуз шел через Альбухапу – старый, как прах первых людей, бедняцкий квартал. Сотни лет назад, когда Сифарес еще не разросся до крупнейшего города на материке, Альбухапа была всего лишь деревенькой, знаменитой тем, что местные жители чудесно отбеливали ткани. Теперь прежнее селение разрослось до городского квартала, зажатого меж рядами новых крепостных стен, лазаретом для черни и крупнейшим в Эннии подпольным рынком.

Симуз торопливо выбирался отсюда, стараясь не дышать. Смрад гнили и безнадежности долго преследовал даже после того, как эмиссар покинул окрестности городской лечебницы. Симуз шел без остановок, надежно пряча за пазухой приобретение. Фигурка котенка, вырезанная из цельного куска аметиста, приятно холодила тело. Десари должно было понравиться, она всегда любила кошек. Симуз слабо верил в то, что красиво выделанный самоцвет поможет дочери справиться с недугом. Но лекарь попросил достать целебный аметист, Эсмий настойчиво поддержал его просьбу – и Симуз достал. Сам. Пусть хоть что-то для нее сделает он, а не Магистр. Благо, давнее знакомство с Ночными людьми позволяло достать что угодно, даже ценный тирийский самоцвет с севера Таргоса. Фигурка, с учетом расходов на поиск, стоила больше его месячного жалования. Вряд ли поможет Десари справиться с кошмарами, но лишь бы не навредила.

Светало. Город начал преобразаться. Едва тонкая полоска света показалась над кромкой моря, Ночные люди принялись спешно сворачивать лотки с награбленным и запрещенным товаром. Эмиссар незаметно кивнул знакомому торговцу лунным песком, тот знаком выразил уважение, а через мгновение плотнее запахнул ветхий плащ и исчез в темноте переулка. Симуз быстро миновал Альбухапу, вышел на широкий проспект, прямой линией вспоровший нижние районы города, перешел по широкому каменному мосту через впадавшую в залив реку и наконец-то добрался до фешенебельной части Сифареса. Столица строилась, следуя простой логике древних: чем выше селится человек, тем он знатнее. Путь Симуза лежал на самый верх.

В последнее время возможность прогуляться выпадала все реже, но сейчас ему было необходимо проветрить голову. Слишком много всего завертелось, слишком много вопросов и загадок. Даже он, прошедший всю жизнь в поисках неочевидных связей, в нынешние времена терялся и чувствовал себя беспомощным. Много раз, глядя на мозаичную карту с доносами, Симуз сводил множество линий, просеивал события и выцеживал логику, как старатель на приисках вымывает песок в поисках золотого самородка. И каждый раз чувствовал, что упускает нечто важное. В мире происходило нечто, чего он не мог понять и объяснить. И едва ли это понимал сам Эсмий, самоуверенно полагавшийся лишь на собственные силы.

Симузу все явственнее казалось, что Эмиссариат не учел еще одного или даже нескольких игроков, интересы которых простирались за пределы политической возни на материке. Но то было лишь ощущение, чувство. Он ничего не мог доказать.

Пока эмиссар добирался до дворца Флавиесов по множеству улиц и лестниц, уже окончательно рассвело. Воздух стал тяжелее, солнце начинало припекать. Симуз остановился возле увитой диким виноградом стены и снял плащ – скоро станет так жарко, что он взопреет в одной лишь тунике. Аметистового котенка он убрал в поясную сумку, саблю снял с перевязи и приготовился сдать, как только войдет в дом Эсмия.

В очередной раз Симуз обругал себя за трусость: вместо того, чтобы всерьез задуматься о том, какое будущее ждет Десари с ее недугом, он даже в мыслях сбегал как можно дальше. Думал о чем угодно, лишь бы не позволять воображению рисовать картины ее мучений. Следовало столкнуться с бедой, посмотреть в глаза ужасу, попытаться бороться за ее жизнь до конца или смириться с неизбежным, когда все средства кончатся. Быть может, даже позволить лекарю дать ей милосердное избавление.

Каждый раз, когда Симуз думал об этом, земля уходила из-под ног.

Стража расступилась, узнав хорошо знакомого гостя. Эмиссар вручил саблю подоспевшим слугам.

– Я хочу видеть дочь, – обратился он к бритому наголо старому рабу в нарядной тунике, заправлявшему у Магистра хозяйством. Щека старца настолько сморщилась, что даже клеймо с вензелем Дома Флавиес стало неразборчивым.

– Да, меня предупредили. Пойдемте.

– Я знаю дорогу, – напомнил Симуз.

На непроницаемом лице почтенного раба не дрогнул ни единый мускул, в глазах читалась лишь вековая усталость.

– Боюсь, я вынужден настаивать на сопровождении, – уважительно, но твердо возразил он, но затем смягчился. – Не стоит гневить хозяина по пустякам.

Понятно. Эсмий приказал глаз с него не спускать. Снова указывает Симузу на его место. Окажется полезным – увидит дочь. Допустит промах – его снова выбросят из ее жизни на неопределенный срок. При других обстоятельствах Симуз уже давно придушил бы старого интригана. Но не мог: лишь возможности Эсмия позволяли девочке жить нормально. А друзей у Десари и без того было немного.

– Разумеется, – согласился Симуз. – Прошу, ведите.

Десари жила, как принцесса. Собственные многокомнатные покои, расписанные красочными фресками, роскошный вид на усеянную кораблями бухту из ажурных окон, толпа слуг, кухарок, лекарей и воспитателей, готовых расшибиться в лепешку по первому приказу Магистра, унять очередной приступ, ночами караулить ее беспокойный сон, кормить с ложечки и читать сказки на всех известных миру языках. Симуз, конечно же, никогда бы не смог дать ей подобного. Но он очень любил Десари – так, как не любил даже ее мать. Порой ему казалось, что все человеческое в нем живо лишь до тех пор, пока жива дочь. Отними ее навсегда – и держать себя в руках смысла не будет. От него ничего не останется.

Старик знаком велел Симузу ждать у входа в покои дочери, а сам ловко скользнул внутрь. Ожидание показалось вечностью. Время всегда текло медленно, а терпение непривычно быстро заканчивалось, когда дело касалось редких свиданий с Десари. Наконец, из приоткрытой двери высунулась дряхлая рука и поманила эмиссара внутрь.

– Девочка спит, – прошептал старик. – Лекарь дал ей крепкого сонного отвара на ночь. Постарайтесь не будить бедняжку.

Никакого сочувствия в его тоне, однако, не было. Симуз молча кивнул и прошел в богато обставленную спальню с восхитительной росписью на потолке. Возле кровати расположилась сиделка – дородная женщина с темной кожей, выразительными глазами и рыхлыми руками. Ее звали Эфой, и Симуз знал, что Десари была к ней очень привязана. Эфа наградила эмиссара печальным взглядом, кивнула на ворох подушек, в которых утопала девочка, и жестом попросила не шуметь. Симуз молча дал понять, что хотел остаться с дочерью наедине. Рабыня

нахмурилась, привстала и внимательно осмотрела вход в покои и лишь затем вышла в соседнюю комнату.

«Мало времени, – знаком подсказала она. – Следят».

– Спасибо, – одними губами произнес эмиссар и аккуратно, боясь потревожить беспокойный сон, опустил на колени возле постели дочери. Пахло сладостью и деревом – рядом с кроватью в золоченой лампе курились целебные смолы.

Десари подросла, но так и не окрепла. Еще немного, и из нескладной девчонки превратится в симпатичную хрупкую девушку. Чем старше она становилась, тем больше материнских черт находил в ней Симуз. Те же темные выющиеся волосы, только у Десари они отливали медью – наследство рыжеволосого отца. Темные глаза Верении, но разрез – Симузов, канеданский. Характерный нос с горбинкой, правда, достался ей от матери. Невысокая для своих лет, совсем худенькая и беспомощная. Зато дерзость, любопытство и упрямство Десари унаследовала от обоих родителей. Если бы не их упрямство тогда, тринадцать лет назад, сейчас все могло бы быть совсем иначе.

– Здравствуй, милая, – не издав ни звука, сказал Симуз, глядя на спящую дочь. Высокий лоб уже прорезала морщина – слишком часто это детское лицо искажалось гримасой муки. Но сейчас ее сон был тих.

Он бесшумно вытащил аметистового котенка из сумки и положил на подушки в изголовье. Если сила этого камня хоть немного поможет унять ее кошмары, Симуз был готов взять кирку и единолично выдолбить весь Тирийский хребет, чтобы добыть столько самоцветов, сколько потребуется для исцеления. Но чутье подсказывало, что он просто притащил ей милую безделушку, не больше.

Десари распахнула глаза. Симуз проклял себя за то, что случайно разбудил ее.

– Папа! – дочь несколько раз моргнула, отгоняя остатки сна. – Ты пришел! Я знала!

Она попыталась сесть и потянула руки, чтобы обнять его.

– Привет, синичка, – эмиссар помог ей подняться и зарылся носом в спутанные волосы, на миг забыв обо всем. Как же он по ней скучал. Тонкие ручки дочери обнимали на удивление крепко. Возможно, ей все-таки стало немного лучше. – Как ты себя чувствуешь?

– Мастер Алой приготовил новый отвар. Уже несколько дней дает его на ночь. Я сплю крепче.

– Но сны все еще мучают тебя?

Десари отстранилась и кивнула.

– Да. Но они стали... другими. Не такими, как раньше.

– Лучше или хуже?

– Нет, не так. Просто теперь другие. Не могу привыкнуть.

– Потом расскажешь, милая, – Симуз потянулся за котенком и вложил каменную статуетку в руку дочери, – Смотри, кто у тебя теперь есть.

Десари тут же принялась вертеть фигурку котенка в руках.

– Какой красивый! Я бы хотела такого живого, но котята фиолетовыми не бывают... А жаль. Спасибо, папа!

– Постарайся держать его рядом с собой, хорошо?

– Хорошо, – улыбка Десари потухла, когда она взглянула на отца. – Ты так редко приходишь, а я очень тоскую. Почему ты не забереешь меня домой?

– Я тоже тоскую, милая. Жаль, что нам нечасто удастся встретиться, но пока тебе лучше оставаться здесь. Быть может позже, когда тебе станет легче... Но еще не время.

– Тогда приходи чаще! – капризно заворчала девочка. – А лучше вообще не уходи!

У Симуза застрял ком в горле.

– Обязательно, – прошептал он. – Когда-нибудь.

Если Эсмий разрешит.

Десари продолжала любоваться аметистовым котенком. Симуз легонько тронул ее за локоть.

– Хочешь пить?

– Не хочу, – взгляд девочки стал задумчивым и не по-детски серьезным. – Давай расскажу новый сон?

– Конечно. С удовольствием послушаю.

– Я еще никому не говорила. Даже мастеру Алою, хотя он всегда спрашивает, что я вижу. Хотела, чтобы ты первым узнал.

Под ложечкой засосало от смеси тревоги и гордости. У Симуза почти отняли Десари, но дочь все равно находила способ показать, насколько он ей важен. Как и ее мать когда-то.

– Рассказывай, синичка.

Девочка нахмурилась, подбирая слова.

– Мне трудно объяснить так, чтобы ты понял, но постарайся, ладно?

– Хорошо, родная.

– Так вот... Раньше мне снились страшные вещи. Жуткие места, голоса в темноте. Я видела, как я иду куда-то по черному-черному коридору... Ничего не видно, даже стен. Только голоса. Они звали меня, шептали, налетали со всех сторон... Говорили не ходить туда, но если я останавливалась, то они начинали кричать... Слишком громко, и я ничего...

Десари задрожала, и Симуз сграбастал ее в объятия.

– Все хорошо, я здесь, я здесь, – повторял он. – Если не хочешь...

– Нет! Слушай дальше!

Упрямством она точно пошла в мать: если что решила, то не отступится, даже зная, что будет из-за этого страдать. Однажды это уже сгубило Верению. Теперь тот же характер опасно проявлялся и у ее дочери.

– Раньше эти сны были про меня, – справившись с дрожью, проговорила Десари. Наморщив лоб и опустив брови, она до боли напоминала мать. – А теперь они про других людей. Даже незнакомцев. Это странно, пап.

– Что ты видишь теперь? Они все такие же страшные?

– Иногда вижу тебя. Это хорошие сны, но в них ты всегда усталый и грустный. Я как будто сижу у тебя на плече, как птичка, но ты не замечаешь. Я даже всегда кричу тебе, но ты не слышишь... – сильнее прижавшись к отцу, девочка продолжила: – Порой я вижу Эфу и даже мастера Алая, но чаще – всяких незнакомцев, говорящих на чужих языках. Ничего не могу разобрать, и все они тоже меня замечают... Зато я все вижу, словно смотрю чужими глазами. Словно я – это они.

Симуз старался смотреть на нее ласково и ничем не выдать беспокойства, но по позвоночнику пробежал холодок.

– Почему ты так решила? – со всем спокойствием, на которое был способен, спросил он.

Десари безмятежно улыбнулась:

– Стала наблюдать и запоминать. Как ты учил меня когда-то: если видишь что-то странное, но не знаешь, почему оно происходит, обращай внимание на все, что этому предшествовало.

– Это не я учил, а мы вместе читали Гордиана.

– Я все запомнила! И из Гордиана, и из снов. В общем... Как бы так сказать... Я заметила, что когда я долго не выхожу из покоев и вижу тех, кого знаю, тогда они мне и снятся в этих новых снах. Если это мастер Алой, то вижу склянки, порошки, горелки и весы... Каких-то ребяташек, на которых он прикрикивает, но не наказывает. Если я – Эфа, то вокруг тесная каморка, в которой всегда пахнет воском и цветами из сада, или сам сад. И пирожки! Иногда что-то похожее на кухню... Но если я куда-то выхожу – например, в сад или брожу по дому,

встречаясь с разными людьми, то потом часто вижу сны, где я – как будто эти чужие люди. Я вижу много мест, в которых точно никогда не бывала...

Симуз не на шутку занервничал. Что-то ныло в затылке тупой болью – давний признак дурного предчувствия.

– А еще сегодня я видела тебя, – добавила девочка. – Ночью.

– Прости?

– Я говорю, что видела тебя сегодня. Ты шел по темным улицам, вокруг было много неприятных людей, горели тусклые фонари... И котенка этого я, кажется, тоже видела.

– Хранитель милостивый, – выдохнул Симуз и крепче прижал Десари к груди. – Ты точно никому не говорила об этом? Уверена?

– Ну, во сне я вроде не разговариваю...

Эмиссар отстранился и внимательно посмотрел в глаза дочери. Она стерла веселую гримасу с лица, едва заметила, что отец был серьезен.

– Сделай для меня кое-что, пожалуйста, – попросил эмиссар. – Очень тебя прошу, никому не рассказывай об этих странных снах. Ни Алою, ни Эфе, никому.

– Даже дедушке?

Симуз сглотнул ком.

– Особенно дедушке.

– Почему?

– Это будет нашей маленькой тайной. Не будем волновать... дедушку. Пока что. Вдруг это ничего не значит? Но если это и вправду что-то особенное, то я обещаю, что выясню, почему тебе снятся такие чудные сны. Договорились?

– Хорошо, – глухо отозвалась Десари. – Договорились. Никому не скажу, пока ты не решишь.

– Спасибо, родная. Ты у меня мудрая не по годам.

– Дедушка тоже так говорит, – улыбнулась девочка. – А вот и он. Дедушка Эсмий! – она радостно помахала рукой вошедшему Магистру. – Папа пришел меня навестить!

Лицо старого эннийца просияло.

– Вижу, радость моя, вижу. Здравствуй, Симуз.

Едва Флавиес повернулся к эмиссару, его улыбка тут же погасла. Симуз знал, что каждый взгляд на Десари причинял Магистру боль – словно тот глядел на призрак умершей при родах дочери. Верения дерзнула полюбить не того человека, и теперь у главы великого Дома не осталось ничего, кроме скорби, ненависти к Симузу и внучки-бастарда, о существовании которой старательно умалчивали.

– О, я вижу, отец принес тебе подарок, – он повертел в руках фигурку котенка, любясь изящной резьбой. – Тебе нравится?

– Еще бы! Я очень рада. А можно мне потом завести живую кошечку?

– Если мастер Алой убедится, что это не повредит твоему здоровью, то непременно, – добродушно улыбнулся Эсмий. – Хоть десяток! А эту фигурку держи всегда при себе, пусть котенок тебя охраняет. Но сейчас, боюсь, вам пора заканчивать беседу. Тебе, девочка моя, нужно подкрепиться, а твоего отца ждут дела на службе, – Десари погрузилась и крепче сжала руку эмиссара. – Но не волнуйся, совсем скоро вы увидите вдов. Обещаю.

– И я обещаю, – шепнула она на ухо Симузу и высвободилась из объятий.

– И я.

Эмиссар встал, улыбнулся дочери на прощание и, поклонившись Магистру, заторопился к выходу. Эфа с тревогой взглянула на него, но он жестом показал, что все в порядке.

Ни хрена оно на самом деле не было в порядке. Если Десари в действительности видела такие сны, это многое объясняло и означало лишь одно. Каким-то чудом в роду Флавиес, где уже шесть поколений не рождались магузы, растет маленькая провидица. Демос не в счет – он

не может считаться наследником Магистра. А никаких потомков, кроме незаконнорожденной Десари, у Эсмия нет.

Если предположение о ее даре подтвердится, и старый интриган узнает об этом, Симуз потеряет дочь навсегда.

Глава 2

2.1 Турфало

Стены храма содрогались от грохота музыки и шума толпы.

Альдор почувствовал приближение Рейнхильды задолго до того, как в залитом солнцем проеме показалась свадебная процессия. Исполинские двери Святилища распахнули настежь. Зароптали почетные гости, заохали дамы. Где-то под высокими сводами жалобно скулил ветер, а тяжелый дым благовоний клубился меж скамьями и создавал ощущение нереальности происходящего. Альдор и в действительности не верил, что вся эта церемония – дело его рук. Не верил до последнего, до того момента, пока окончательно не осознал, что пути назад уже нет.

Правители Гацоны ждали у алтаря. Увидев невесту, кронпринц встrepенулcя, откашлялся, рассеянно пригладил волосы и зачем-то поправил на плечах тяжелую золотую цепь с огромным рубином – настолько большим, что им можно было убить. Певчие подобрались и набрали в легкие побольше воздуха, готовые затянуть торжественный гимн.

Эрцканцлер не шелохнулся.

– Рейнхильда Хайлигландская! – прогремел герольд.

Там, за стенами храма, толпа неистово ревела, но в Святилище воцарилась благоговейная тишина. Вечно невозмутимые братья-протекторы с почтением склоняли головы и прикасались к церемониальному оружию, когда высокородная хайлигландка проходила мимо них. На несколько долгих мгновений всеобщее внимание было приковано к Рейнхильде, и Умбердо, словно из ревности, нарочито медленно выступил ей навстречу. Его величество Энриге резко развернулся, едва не проткнув глаз замешкавшегося сына зубцом короны. Альдор пожалел, что этого не случилось – вот была бы умора. Интересно, осознавал ли король, с каким нетерпением наследник ждал его смерти?

Невесту – высокую и статную – вел к алтарю сам Грегор Волдхард. Рейнхильду не считали красавицей и вечно находили в ее внешности недостатки: то плечи слишком широки, то лицо простовато, а уж характер и вовсе называли твердым, как стены ее родного Эллисдора. Но стоило лишь единожды заглянуть в ее пронзительные голубые глаза – и тот, кому это было суждено, терялся в них навеки. Альдор ден Граувер пропал уже много лет назад. Для него леди Рейни, как ее ласково величали при эллисдорском дворе, навсегда осталась прекраснейшей женщиной на свете с хрустальным смехом и душой чище, чем благодать небесная. Он много лет любил Рейнхильду, но ни разу с ней не объяснился. Возможно, и к лучшему. Даже став эрцканцлером и получив титул барона, Альдор ее не заслуживал. Особенно после всего, что сделал по воле ее брата.

Супруга Альдора, навязанная королем леди Батильда, присутствовала здесь же. Баронесса Ульцфельдская то и дело прикладывала пухлую ручку к заметно округлившемуся животу и глуповато улыбалась. Хвала богам, ее не волновало ничего, кроме рождения будущего наследника да вышивки гобеленов в стенах родного замка. С тех пор, как Батильда понесла, значимость Альдора – человека, который браком спас ее от неласковой участи дочери изменника – заметно снизилась в ее глазах. Риск кары миновал, через несколько месяцев Ульцфельд должен был праздновать появление на свет будущего барона, и сам Альдор вызывал у молодой жены интереса не больше, чем псовая охота. Батильда, к слову, ненавидела запах псины.

Альдор никогда не позволял себе грубости в адрес супруги, но, черт возьми, как же его порой бесила ее тупая улыбочка – одинаково неуместная в любых обстоятельствах. Ее писклявый голосок и заискивающий взгляд, которым она неизменно смотрела на него, если заме-

чала, что он за ней наблюдает. Ее девичьи округлости, с течением времени превратившиеся из очаровательной пухлости в дородные формы чревоугодницы. Все в Батильде, что по первости Альдор находил если не прекрасным, то милым – все это за какие-то пару лет опостылело ему настолько, что хотелось выть.

Рядом с этой женщиной Альдора держали лишь долг да осознание, что она носит под сердцем его дитя. Наверное, его. Он редко навещал супругу в Ульцфельде.

Батильда поймала взгляд супруга, с деланной радостью помахала ему рукой, и Альдор, вымученно улыбнувшись, устался на Рейнхильду. Каждое мгновение, когда он смотрел на нее, вызывало у него муку. И все же он заставлял себя продолжать. И лишь позже осознал, что таким образом прощался с мечтой.

Гацонские аристократки исподтишка обменивались неодобрительными взглядами: простой наряд невесты казался им недостойным облачения кронпринца. Светло-голубое платье без единой оборки смотрелось на фоне этого праздника так же уместно, как булыжник в сокровищнице. Из всех украшений Рейнхильда надела лишь гладкий серебряный диск на тонкой цепочке – символ веры. Такой аскезой невеста была обязана новым порядкам, которые установил на родине ее брат-еретик, и порядки эти порицали роскошь в любом проявлении. Впрочем, всеобщий отказ хайлигландцев от излишеств был продиктован не только религиозными нововведениями, но и опирался на банальную нужду: почти все драгоценности Волдхарды обменяли на хлеб. Грегор продал бы гацонцам и собственную корону, будь она золотой. Но королевский венец, выкованный из меча поверженного врага, гацонцев не интересовал.

Хайлигландцы приблизились к алтарю. Зазвучали церковные гимны – стройный хор воспевал Хранителя, и эти звуки возносились вверх, к узким витражным окнам Святилища. Когда священник принялся читать молитву, будущие супруги опустили на колени, и на их головы упало белое покрывало, Альдор не выдержал и отвернулся. Так и не смог заставить себя смотреть на церемонию. Слабак. Чертов слабак!

– Как же хорош король! – перешептывались благородные дамы подле Альдора. Правитель Хайлигланда, будь он трижды еретиком, все равно произвел на них впечатление. Высокий и крепкий, точно дуб, Грегор двигался с грацией, свойственной умелым воинам. На выделявшемся суровой красотой лице играла легкая улыбка, яркие синие глаза лучились счастьем. Не зная Альдор Грегора с юности, с легкостью мог бы поверить, что молодой король радовался церемонии, как дитя. – И как у одних родителей могли получиться такие разные дети?

– Ах, а ведь он все еще холост...

Альдор тяжело вздохнул, устав от квохтанья разряженных куриц, которые уже шепотом планировали отправить дочерей к хайлигландскому двору – теперь-то в холодном Эллисдоре гацонцев прибавится. Благородные дамы не знали, что сердце Грегора давно было занято. Грегор Волдхард жил войной. Лишь ее он любил и желал, о ней грезил и, к счастью для материка, все никак не мог развязать.

У южных красавиц не было шансов. Зато у Альдора оставались все шансы отправиться на плаху за все, что он задумал, если Грегор узнает об этом раньше времени.

Волдхард проявил истинные чувства лишь единожды – когда встретился глазами с самым нежеланным гостем церемонии. Канцлер империи Демос из Дома Деватон с достоинством поклонился королю Хайлигланда. Оба не проронили ни слова, и лишь эрцканцлер заметил, как всего на миг глаза Грегора превратились в лед. Альдор хорошо знал этот взгляд. Так смотрел Грегор, приказывая колесовать изменников. Так он глядел на всех, кого считал помехой. Этот ледяной взгляд означал лишь одно: что бы себе ни думали имперцы да Эклузум, Грегор все еще считал их врагами.

А он, Альдор ден Граувер, заключил с этими врагами сделку.

* * *

Свадебный пир грозил затянуться до конца месяца – меньшего от короля Энриге Альдор и не ожидал. Неумная страсть гацонцев к роскоши на этот раз приняла поистине немыслимые масштабы. Армия поваров и слуг потчевала гостей сотнями изысканных блюд, тончайшие вина буквально лились рекой: в одном из многочисленных залов дворца установили фонтан со знаменитым тируджийским розовым – то был подарок от знаменитой гацонской семьи виноделов. Праздничные столы ломились от яств, сверкала начищенная посуда, полыхали печи и камины, а съехавшиеся со всех концов материка музыканты и актеры не давали гостям скучать. Аристократы и вельможи танцевали, поэты декламировали стихи, менестрели слагали песни – веселье длилось днями и ночами. Даже суровые церковники, которых на празднество пригласил сам Энриге, нет-нет да и притрагивались к окороку, жареным каплунам и коварным напиткам. Иные чревоугодники засыпали прямо возле столов: за постоянными сменами блюд было легко потерять счет времени. А вскоре гостей ожидало другое грандиозное развлечение – королевская охота.

– Ты совсем не ешь! – крепкий удар по плечу, что Грегор с его комплекцией считал дружеским хлопком, едва не снес эрцканцлера со скамьи. – Пост окончен. Неужели тебе не по вкусу гацонская стряпня? Погляди на него. Да одним этим поросенком можно три дня кормить целую семью!

Альдор взглянул на огромную тушу, источавшую дивный аромат пряностей, и потянулся за кубком.

– С меня, пожалуй, хватит на сегодня, – безмятежно улыбнувшись, ответил он. – Еще немного, и я лопну. С вином, впрочем, тоже пора заканчивать: опьяняет, как страсть.

Грегор понимающе кивнул.

– Это все старые монастырские привычки. Ты всегда мало ел, – он опустился на скамью рядом с Альдором, отчего та закачалась, и уставился на барона немигающим взглядом. – Скажи мне, дорогой друг, неужели ты, и правда, думал, что я не узнаю?

Альдор похолодел и застыл с поднесенной ко рту чашей.

– О чем? – силясь не выдать напряжения, спросил он.

– За последние годы ты здорово поднаторел в интригах и тайнах, барон Ульцфельд. Все, что ты делал, было ради блага страны. Похвальная верность. И все же я не ожидал, что у тебя появятся от меня тайны. Даже не знаю, что теперь и думать.

Альдор взглянул на короля. Лицо Грегора оставалось непроницаемым. По спине эрцканцлера пробежал липкий холодок.

– Ради всего святого, Грегор, что ты имеешь в виду?

– Рейнхильда. Ты всерьез думал, что я не узнаю?

Что-то в груди Альдора лопнуло, и он обмяк. Слава богу, Грегор говорил не о Демосе. Но как король, черт его дери, узнал о его чувствах к леди Рейни? Ведь он никогда и никому не говорил об этом. Даже на исповеди.

– Какого ответа ты от меня ждешь? – сейчас каждое слово следовало выбирать с осторожностью.

– Никакого, – ответил Грегор. – Брак Рейнхильды – наша общая затея. Она была обещана Умбердо много лет назад. И все же ты превысил полномочия, Альдор ден Граувер.

– Я не...

Взглядом король заставил Альдора замолчать.

– Тебе не следовало отдавать ей в приданое деньги из Ульцфельдской казны. Ты хотя бы мог предупредить меня заранее, чтобы я не чувствовал себя идиотом! Каково мне, по-твоему,

было сначала узнать, во сколько обошлась вся эта церемония, – он обвел рукой богато украшенный зал, – а затем увидеть на бумагах, что я, оказывается, ничего не должен Гацоне?

Альдор едва не сполз на пол от облегчения. Мертвые боги, как же он испугался! Чего ему стоило сохранять спокойствие, он и сам не представлял. До сих пор не понимал, откуда в нем взялись силы сохранять внешнее спокойствие. Неужели зачерствел и привык?

– Свадьбе следовало состояться. Любой ценой, – только и ответил барон. – Я просто сделал все, что было в моих силах.

– Я благодарен тебе, друг, – Грегор тронул Альдора за больное плечо. – Ты сделал для меня столько, что никаких титулов и земель не хватит, дабы отблагодарить тебя. И все же впредь посвящай меня в свои планы. Я не болванчик на троне Хайлигланда. Я – истинный правитель и защитник этой страны. И я должен знать обо всем.

Альдор подавил невеселый смешок. Когда-то у них уже был подобный разговор, да только тогда темнил не Альдор, а сам Грегор, и его эрцканцлер обращался к нему с такой же просьбой. Тогда правитель тоже принял решение единолично, не посоветовавшись ни с кем из помощников. Последствия этого решения весь Хайлигланд ощущал на себе и по сей день. Но что позволено владыке, не дозволяется его слугам. Альдор помнил о своем месте.

– Прости, мой король, – склонил голову барон. – Я виноват перед тобой и понесу наказание, если пожелаешь меня покарать.

– Прощаю, – внезапно Грегор улыбнулся совершенно искренне, почти по-мальчишески. Альдор уже и забыл, как резко король менял настроение. – Прощаю и благодарю тебя – как моего друга и верного слугу государства. Ты многому научился за эти годы, многого достиг. Но самое главное – ты перестал бояться принимать важные решения и нести за них ответственность. Что бы ни думали о тебе наши вельможи, как бы ни сплетничали за спиной... Однажды они поймут, почему я тебя возвысил. И, полагаю, поймут очень скоро. Те, кто пытались тебя убить, осознали это раньше.

Альдор, прогнав остатки тревоги, уставился на друга:

– Мне стоит усилить охрану?

– Лишним не будет, – пожал плечами Грегор. – Но сейчас нам ничто не угрожает: враги не станут марать руки на священном празднестве. И все же я советую держать при себе хотя бы кинжал. Мало ли что?

Альдор печально усмехнулся. Зачем ему оружие, если он все равно не умеет с ним обращаться? Всего дважды, когда он убивал, ему удалось сделать это голыми руками. И оба раза ему помог случай.

Грегору с его великаньей силой оружие было не нужно, Альдору – бесполезно.

– Я приму меры, спасибо.

Король Энриге снова объявил танцы, громыхнула музыка, и гости принялись строиться в пары. Благородные дамы охотно пользовались возможностью продемонстрировать богатые наряды, а мужи – повнимательнее рассмотреть девиц на выданье.

– Пойдешь плясать? – спросил Грегор. – Твоя жена наверняка ждет приглашения.

Эрцканцлер покачал головой.

– Увы. Она очень печется о здоровье ребенка и боится танцевать, – проговорил он, глядя на Батильду, страстно поглощавшую мясной пирог. – Я тоже не буду. Устал.

– А я, пожалуй, все же приглашу сестрицу.

Грегор направился к новобрачным. Рейнхильда и Умбердо восседали за усыпанным цветами столом на возвышении. Слева от молодой жены расселись знатные хайлигландские родственники, справа от Умбердо – гацонские. На гацонской половине расположились и гости из империи. Контраст уродливой внешности канцлера Демоса и жгучей красоты его супруги Виттории притягивал взгляды и слуг, и аристократов. Прочих гостей рассадили за двумя

рядами длинных столов у самых стен огромного зала. Пространство в центре предназначалось для представлений и танцев.

Альдор молча наблюдал, как Грегор поднялся к столу новобрачных, церемонно поклонился и протянул сестре руку, приглашая танцевать. Рейнхильда вопросительно взглянула на Умбердо, тот кивнул, и она, приняв приглашение, изящно спустилась к гостям. Увидев пару хайлигландцев, танцующие расступились, а музыканты заиграли другую мелодию.

Пришло время действовать. Танец должен был продлиться недолго, и у Альдора оставалось мало времени.

Барон встретился взглядом с правителем Гацоны. Энриге, извинившись перед гостями, покинул зал. Леди Виттория на миг отвлеклась от беседы с одной из дам и едва заметно кивнула Альдору. Он не ожидал, что Деватон посвятит в свои планы супругу. Впрочем, наверняка он сделал это неспроста – о Виттории говаривали всякое, но никто не ставил под сомнение ее незабываемую красоту и острый ум. Ее супругу, должно быть, очень повезло. Барон заметил, что место самого канцлера империи пустовало.

Итак, все было готово. Оставался черед Альдора. Если все сорвется, ему не жить.

Он перехватил Грегора, когда тот, вернув сестру новоиспеченному мужу, спускался, чтобы выйти на воздух. Жестом Альдор приказал охране оставить их.

– Нужно поговорить наедине.

– Едва ли сейчас это получится, – рассмеялся король. – Всюду люди. Боже, до этого я видел столько знати лишь единожды, на похоронах императора Маргия! Но сейчас все они хотя бы веселятся, а не кривят лица в напускной скорби.

– Поверь, радость многих здесь фальшива, – ответил эрцканцлер. – Этим браком довольны не все. Я знаю место, где можно спокойно побеседовать. Пойдем.

– Опять темнишь, Альдор. О чем ты хочешь говорить?

– О будущем.

Он повел Волдхарда по длинному коридору, соединявшему публичную часть дворца и закрытую, королевскую.

– Уверен, что нам позволят войти сюда без сопровождения? – весело спросил Грегор. Альдор отметил, что он явно переусердствовал с тируджийским вином. Восхитительный напиток, как оказалось, смог победить даже стойкого и всегда знавшего меру исполина. Барон давно не видел друга таким открытым. И тем больше он переживал необходимость напрочь испортить ему вечер.

– Ты король Хайлигланда, а я – твой эрцканцлер. Думаю, гацонцы как-нибудь переживут.

– Помнишь, как мы воровали яйца из курятника во время поста? – спросил Грегор, пока они петляли по коридору. Редкие слуги, которые попадались им на пути, тут же сгибались в поклоне до земли и не смели задавать вопросов.

– Помню, как мне прилетело от наставника Уллия, – проворчал Альдор. – Вы-то с Лензом и Хенриком тогда смылись, а я не смог перелезть через забор, за что и получил. За всех четверых. Так отходили палкой, что спина и зад потом дюжину дней болели. Даже молиться приходилось стоя.

– Но мы же тогда отомстили за тебя! Смазали медом страницы его самого унылого манускрипта!

Грегор раскатисто захохотал, и Альдор сам не заметил, как улыбка поползла к ушам. Под ложечкой засосало, а в груди заняла щемящая тоска. Милостивый боже, Грегор Волдхард – тогда еще брат Грегор – был его единственным другом. Благородным, наивным, стойким – самым достойным слугой Хранителя из всех учеников Ордена. Во что же его превратила власть? В кого они оба превратились после того, как их перемололи жернова войны? И смогут ли они когда-нибудь вернуться к прежней жизни? Спокойной и понятной, где не будет места кровопролитию, интригам и обману.

Альдор знал, что этому не бывать. Не теперь, не после всего, что сделано и что предстоит совершить. Но отчего-то продолжал надеяться, что однажды шанс еще представится. Глупо. Следовало положить надежду в тот же ларец, куда он отправил мечту о Рейнхильде.

– Пришли, – тихо сказал он, остановившись возле инкрустированной ценным деревом двери. Замка не было.

– Что это за место?

– Малая библиотека его величества.

– О, ну в это время здесь точно никого не встретишь, – усмехнулся Грегор. – Жаль, я не прихватил с собой кувшин того прекрасного вина.

Альдор потянул позолоченное кольцо двери на себя и пропустил короля вперед.

– Вижу, на свечах здесь экономят, – задумчиво протянул Волдхард, едва не врезавшись в выступ. Было темно, и лишь пара свечей в настенном канделябре освещала кусок стены. – Видать, весь воск утащили в Большую залу, но как по мне...

Альдор запер дверь на засов. Тени в углу зашевелились, по полу потянуло сквозняком. Грегор замолчал и резко остановился. Он напряженно озирался по сторонам, превратившись в ступор напряжения. Но ничего не мог увидеть.

– Итак, вы пожаловали, – из темного угла донесся мелодичный, но усталый голос короля Энриге. – Это очень хорошо. Думаю, можно начинать.

– Альдор, что все это значит? – в голосе Грегора сквозил металл. – Объясни немедленно.

Еще одна тень шевельнулась и подошла ближе. Альдор узнал обожженное лицо канцлера Демоса и отступил на несколько шагов, уперевшись спиной в дверь. Грегор сделал шаг навстречу врагу – бесстрашно, как всегда. Словно испуг и вовсе был ему неведом.

– Позвольте мне ответить за вашего приближенного, – вкрадчиво произнес урод.

– Заткнись! – Волдхард двинулся на Демоса, но тот, улыбнувшись, покачал головой. Альдор не понял, как это произошло, но от стены отделилась тень, и всего через долю мгновения между Грегором и Демосом блеснула сталь.

– Прошу, ваше величество, не подходите ближе, – произнес эннийский телохранитель Демоса на безупречном имперском. Он держал обнаженную саблю на уровне глаз короля. – Не стоит делать глупостей.

Грегор обернулся к Альдору:

– Что ты наделал? Что ты, черт возьми, задумал? Неужели...

Откуда-то – Альдор сам не понимал, откуда – к нему пришли силы. От отлип от двери и шагнул к своему королю.

– Прости, друг, так нужно. Если бы у меня был хоть малейший шанс сделать это иначе, клянусь, я бы смог. Видит бог, я старался, но ты не желал меня слушать. С тех пор, как в твоей голове засела идея Священного похода, только это имело для тебя значение. На самом деле ты не смотришь по сторонам. Ты видишь, что происходит вокруг, но ничего с этим не делаешь. Наш народ страдает. Все, кто поклялся нам в верности годами ранее, стали роптать. Все из-за нашей новой веры. Из-за конфликта с Эклузумом. А ты не замечаешь этого.

Глаза короля налились яростью.

– Как ты смеешь? – проревел он.

– О, я смею, Грегор из Дома Волдхард, – Альдору снова пришлось шагнуть назад. – Ты сделал меня эрцканцлером. Ты заставил меня поклясться служить родному государству до последней капли крови. Любыми средствами добиваться его благополучия. И я добиваюсь. Все это я делаю ради нашей страны.

Грегор с холодным спокойствием повернулся к Демосу:

– Хорошо спланировано, господа. Но знайте: меня будет очень трудно убить.

* * *

«Соблазн избавиться от тебя прямо сейчас велик, не спорю, – размышлял Демос, неторопливо разглядывая кузена. – Но это будет глупо».

Демос приказал телохранителю отступить. Ихраз долю секунды сомневался, но затем покорно убрал ятаган в ножны и, что-то коротко сказав господину по-эннийски, шагнул в тень.

– Никто не собирается убивать ваше величество, клянусь, – примирительно улыбнулся Демос и подал Грегору руку для приветствия. Хайлигландец не ответил. – Я здесь для того, чтобы говорить, а не размахивать кулаками. В конце концов, вся эта мистерия была задумана лишь затем, чтобы наш разговор состоялся. Боюсь, попроси я напрямую, вы бы отказались.

– Что мешает мне отказаться сейчас? – в голосе Волдхарда сквозило презрение. – Вы всерьез думаете, что я испугаюсь одного вооруженного эннийца?

«О, я еще смогу тебя удивить».

– Нет причин для беспокойства. Более того, сейчас я попрошу оставить нас наедине, – горелый лорд снова криво улыбнулся, разведя руки в стороны. – Я слышан о том, что ваш нрав горяч, а рука тяжела, дражайший кузен. Но все же я здесь и готов протянуть руку мира.

– Напрасно. Нам не о чем разговаривать, лорд Демос.

«Да-да, все было сказано очень давно: мы с Эклузумом – твои злейшие враги и прочее... Эта сказочка тянется годами. Ну, придумай уже что-нибудь новое!»

– Тогда просто выслушайте меня. Эрцканцлер и его величество сильно рисковали, устраивая эту встречу, – Демос встретился взглядом с Энриге, тот пожал плечами. – Проявите уважение. Ставки слишком высоки для игры в оскорбленную невинность.

Грегор метнул полный холодной ярости взгляд на Альдора.

«Грауверу конец. Интересно, сумеет ли он выкрутиться?»

– Присутствие эрцканцлера больше не потребуется, – ледяным тоном проговорил Грегор. – Как и слуг.

– Разумеется. Господа, прошу, оставьте нас.

Энриге тоже не пожелал остаться и первым направился к двери. Следом шел Альдор – напоследок они с Грегором обменялись тяжелыми взглядами. Ихраз плотно закрыл дверь и, как было уговорено ранее, остался сторожить снаружи.

«Зачем я это делаю? Ради чего? Он не отступится, не изменит решения, не пойдет навстречу. Волдхард – чужой человек с чуждыми мне ценностями, и у меня нет ни единой причины симпатизировать ему. Но я не могу оставить все как есть. Не успокоюсь, пока не смогу честно сказать себе: ты, Демос Деватон, сделал все, что мог. И все же почему я продолжаю пытаться спасти то, что давно обречено?»

– Вина? – стараясь не выдать напряжения в голосе, спросил Демос и жестом предложил Грегору сесть.

Волдхард, наоборот, эмоций не скрывал: раздраженно барабанил пальцами по бляшке украшенного серебром пояса и то и дело озирался по сторонам, словно в любой момент ожидал нападения. Демос не мог его винить.

– К черту церемонии! – рявкнул хайлигландец. – Чего ты от меня хочешь?

– Терпение. Прошу, сядь.

Грегор устало опустил в кресло и вытянул длинные ноги.

– Я жду, – сухо ответил он.

Демос пристально разглядывал кузена из-под полуопущенных век. Они не виделись почти два года, и это время изменило молодого Волдхарда. Неуловимо, но заметно. Тогда, в столице, когда они впервые близко столкнулись на похоронах императора, Грегор был другом. Тогда они ещё не называли себя врагами. Не было интриг, подлогов, покушений. Демос

не замечал жесткости в глазах кузена, голос тогда еще герцога Хайлигландского звучал мягче и веселее. Грегор был воином, но воином благородным. Говорил о чести и долге с таким пылом, что его словам хотелось верить. И многие поверили. Возможно, зря. На поверку Грегор Волдхард оказался не так прост, и все, кто ему доверились, дорого заплатили за это знание.

«Говорят, ересь сделала тебя другим человеком. Но ересь ли? Не была ли она средством достижения цели? Замысловатым, но эффективным инструментом в твоих умелых руках? Ты обманул нас всех. Перевернул наш мир с ног на голову. Больше ничего не будет по-прежнему. И тебе этого не простят».

– Брак леди Рейнхильды тебя не спасет, – без церемоний заявил Демос. – Это угроза Хайлигланду, а не выход. Ты и сам это понимаешь, верно?

Грегор промолчал, но жестом поторопил кузена. Демос же спешить не собирался.

«Возможно, это последний раз, когда мы можем поговорить спокойно. И раз он согласился меня выслушать, быть может, у всей этой затеи есть смысл?»

– Ты не женат, у тебя нет наследников, – продолжил Демос, устроившись в кресле поудобнее. – При этом продолжаешь проводить настолько смелую политику, словно у тебя с десятков отпрысков-мальчиков, и все умницы. Теперь ты отдалил от себя сестру – отдал ее будущему королю земель, с которыми граничит твой Хайлигланд. Как думаешь, кто унаследует это игрушечное королевство, случись тебе ненароком погибнуть?

– Хайлигланд был королевством, пока не вошел в Криасморский договор. Я лишь вернул все к истокам. И, возвращаясь к вопросу, который ты затронул, я все еще жив, как видишь. Я могу за себя постоять.

«Самоуверенный идиот. Тебе слишком долго везло».

Демос устал вглядываться в окутанное тенями лицо кузена и переставил подсвечник на столик, который из разделял. Грегор сидел, не шелохнувшись, словно обратился в камень. У Демоса, наоборот, зудели руки что-то делать, но он был вынужден положить их на стол, демонстрируя собеседнику чистоту намерений.

«Волнуюсь? Как неожиданно. Впрочем, чем меньше родственников у меня остается, тем сильнее я начинаю ими дорожить. Даже если эти родственники – конченные кретины».

– Итак, ты стал королем, – сказал канцлер. – Хорошо. Откровенно говоря, мне все равно, какой титул ты носишь. Хочешь заменить герцогский венец на корону – пожалуйста, сути это не меняет. Я даже готов закрыть глаза на твои безумные церковные реформы. Канцлер империи, коим я являюсь – человек светский и далек от духовного пути настолько, насколько это вообще возможно, – Демос на миг умолк, поймав взгляд кузена. – Но ты, Грегор Волдхард, сделал непростительную ошибку, расторгнув Криасморский договор и поссорившись с Эклузумом. Все, что сейчас происходит с Хайлигландом – месть Великого наставника. Ладарий не успокоится, пока не уничтожит тебя и всех, кто поддержал твою... реформацию. Уничтожит показательно, в пример всем потомкам, которые могут попытаться дерзнуть, ибо ты своими действиями заставил людей сомневаться в его величии и власти. Ладарий не отступится, знай это. Слишком поздно. И все же я могу кое-что тебе предложить...

– Великий наставник Ладарий – лицемерный интриган, превративший веру в средство заработка, – отрезал Грегор. – А Эклузум, его маленькое церковное княжество, стало олицетворением двуличия и порока! Средоточием лжецов в рясах, которые безнаказанно воруют и обманывают всех, кто им доверился. Они даже основали собственный банк. Банк в церкви! – король распалялся все сильнее. – Где, любезный кузен, в какой главе Священной книги сказано, что слуги божьи должны брать мзду с простых людей и заниматься ростовщичеством? А индульгенции? Где сказано хоть слово про искупление грехов серебром?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.